

Борис Попов

Спасительная неожиданность

18+

Борис Попов

Спасительная неожиданность

«Автор»

2018

Попов Б. В.

Спасительная неожиданность / Б. В. Попов — «Автор», 2018

Четвертая книга серии «Неожиданность» завершает историю про убийственный метеорит, летящий к Земле – книги «Приятная неожиданность», «Неприятнейшая неожиданность», «Странная неожиданность». История о враче Владимире из 21 века, внезапно попавшем в век 11 и рвущемся с компанией друзей к Черному морю, чтобы с помощью дельфинов спасти мир. А ведь для этого нужен еще великий поэт и математик Омар Хайям, за которым идет безжалостная охота. Спасут? Не спасут? Ну хоть смягчат удар? Не угадаешь! Проще - прочесть. И значит, с уверенностью вперед!

© Попов Б. В., 2018

© Автор, 2018

– Истосковался я по Насте, пока мы в Киеве торчали. Просто измаялся. Не чаял поскорее в лес вырваться, умелых лесных антеков повидать. Может покажут Францию, и что там творится с этой поганой свадьбой в мерзком городишке Мулен, – сказал мне Богуслав, едущий рядом на своем коне.

А лес между тем потихоньку переходил в лесостепь, рощи и дубравы отделялись друг от друга все более частыми перелесками, деревья вниз по течению Днепра, который сейчас в 11 веке зовут Славутичем стояли все реже и реже. О густых чащобах уже и речи не было.

– А возле твоей вотчины, которая около Переславля, густые леса? – поинтересовался я.

– Какое там! Колос от колоса не слышать и голоса! Еще реже, чем здесь.

Сегодня наша ватага ехала на лошадях из Киева в Переславль. Здесь не очень далеко, верст восемьдесят будет, заночевать готовились уже в Переславле в боярском тереме у Богуслава.

Я атаман ватаги, а боярин мой лучший друг и побратим, часто дает очень умные советы. Богуслав много лет командовал дружинами у князя Владимира Мономаха, мастер боевых походов. Под старость (ему пятьдесят восемь) он был послан в Великий Новгород послужить сыну Мономаха, Мстиславу.

По юности у Славы случилась главная любовь его жизни к Анастасии Мономах, матери Владимира. Когда она погибла тридцати лет от роду, он едва не покончил с собой, от петли еле оттащили. Потом страшная рана в душе потихоньку затянулась, прошли годы, он женился, имеет двух сыновей подростков 12 и 14 лет, но прежняя сила чувств уже не возвращалась. К жене и детям Богуслав равнодушен, в Новгород уехал с облегчением. Осталось только доживать.

И вдруг дикая вспышка прежних чувств, гром посреди ясного неба – Настя нашлась в новом теле! В этот раз она родилась во Франции, в небольшом городке Мулен, находящемся на 300 верст южнее Парижа. Сейчас ее зовут Полетта Вердые, ей 15 лет и родители хотят ее продать замуж за нелюбимого человека. Красавица внешне с византийской принцессой Анастасией один в один, прежнюю жизнь и Славу возле себя помнит отлично, тоже очень тоскует по любимому, и жаждет встречи, но против родителей не пойдет и перечить не посмеет.

В моем родном 21 веке к этому отнеслись бы спокойно. Нужно выйти замуж по расчету? Выходи, какой разговор! Приедет за тобой суженый, разведешься да уйдешь! Ах, разводов среди простых людей не бывает? Так убежишь! Милый тоже в церкви с другой женщиной повенчан, без венчанья проживем, не пропадем!

Но 11 век наложил на нестигаемую волю и твердые нравственные устои Полетты свой отпечаток. Я выйду замуж, но с нелюбимым жить не стану! Бежать не могу, просто после бракосочетания покончу с собой – утоплюсь в ближайшей речушке Алье в тот же день. И все это ерунда, главное, чтобы родители деньги получили.

Гномы, живущие под землей в лесу – антеки, как они сами себя называют, организовали какой-то неведомый людям этого века телемост с Францией. Богуслав увидел Полетту, все узнал, и ему стало совсем погано. Свадьба через три дня, а за это время не то что до Мулена, до какой-нибудь Винницы и то не доскачешь.

Но тут в дело вмешалась Большая Старшая ведьма Киева Пелагея. Она, правда, давно умерла, но это не мешало ей подселяться время от времени в свою внучку Оксану. По угасающему каналу связи антеков она связалась с бывшей своей ученицей Анной, дочерью киевского князя Ярослава Мудрого. Анна долгое время была королевой Франции, а сейчас правит ее сын Филипп Первый. Она обещала помочь, но вряд ли успеет. Конь со всадником самое большое делает за день 80 верст, и за три дня, даже если коней менять каждый час, 300 верст никак не проскачет.

Богуслав нашел метод определять жива ли Полетта. По нашей просьбе киевские волхвы изготовили кедровую заговоренную рыбку, и она показывает, где находится живой человек, местонахождение мертвых не определяет.

Девушка еще вчера была жива, но сегодня как раз третий день, и боярин бесится – ему очень хочется найти подземелье антеков и связаться с любимой. А там уж как Бог даст: либо проблема отпадет, либо проститься с любимой.

Лесные антеки народ, в отличие от горных гномов, нелюдимый. С человечеством уже не общаются лет семьдесят. Церковь отрицает их существование, и при этом призывает немедленно убить нелюдь при встрече.

Их император обещал нам содействие в любой точке Земли, где есть поселение лесных антеков, но тут и леса-то путного не видно, где тут селиться? Связь с дружественной малорослой расой у нас держит моя собака Марфа, среднеазиатская овчарка грозного вида и размера. Попытаться попросить связи с Францией я ей поручил перед уходом из Киева, а в ответ тишина – то ли схрона антеков нет рядом, то ли какой-нибудь человеческий осел обозлил императора Антекона 25, и поддержки можно и не ждать – неизвестно.

Поделится этой мыслью с Богуславом. Оказывается, он про мое поручение и не знал. В свое время Слава нарастил умственные способности волкодавши с уровня трехлетнего ребенка до уровня двенадцатилетнего подростка и с ней стало легко общаться.

– А может она забыла? – загорелся он новой идеей, – собака ведь все-таки. Вон как бойко с польским волкодавом перегавкивается, ей не до наших мелких дел!

– Это ты зря, – обуздал я его очередной порыв, – Марфушка не такая, службу несет строго.

– Давай у нее спросим! – предложил боярин, подпрыгивая в седле от нетерпения.

Может быть это и не даст эффекта, но отказ тут будет явно неуместен и ухудшит наши и без того непростые отношения. Поэтому я крикнул зычным голосом:

– Марфа, ко мне!

Псина унеслась далеко вперед, увлекшись ласковой и увлекательной беседой с кобелем польской подгалянской овчарки Горцем, не уступающим ей по уму. С ним к нам в Киеве присоединился шляхтич польского королевского рода волхв-поисковик Венцеслав, который назвался Яцеком, чтобы избежать ненужной огласки.

Прервав беседу с первой девичьей любовью, Марфа махом подлетела.

– Марфуш, чего там у нас по антекам?

Собачий язык я, в отличие от остальных членов команды, понимаю отлично и без всякого труда.

Умная собака коротко гавкнула:

– Молчат!

– Ну беги, беседуй дальше.

Марфа унеслась. Вместе с собаками здоровенным волком весело неслись отрядный оборотень Олег, из скромности одетый в семейные сатиновые трусы, с торчащим через специально сделанную сзади дыру хвостом. Чтобы перекинуться из конюха-человека в разумного зверя, обладающего сверхбыстрой реакцией и колоссальной силой, вервольф или волкодлак, как их называли на Руси, должен был полностью обнажиться, а в ватаге были женщины. В трусах и волки были сыты, и овцы целы, и оборачиваться эта вещь, в отличие от другой одежды, не мешала.

– Молчат антеки, – сообщил я Славе, – нету их, наверное, рядом.

Побратим стал раскачиваться в седле и колотить кулаком правой руки в ладонь левой. Его конь Боец испуганно оглядывался на хозяина.

Да, пока эта проблема не решена, Богуслав не в полной магической силе, а на нас в любой момент может напасть очень сильный черный волхв Невзор, которому мы всей шарагой и в

подметки не годимся. Есть у нас пара идей, но без полноценного участия в бою самого сильного белого волхва ватаги, наш конец наступит очень быстро.

Мы не просто так пошли в этот поход, не туристы какие-нибудь. У каждого в Новгороде осталась куча дел и забот, а нам с бывшим ушкуйником Матвеем пришлось покинуть горячо любимых беременных жен. Наш отряд идет спасать Землю от столкновения с метеоритом из антивещества. Последующий за этим взрыв разнесет нашу планету на части. Гибель всего живого при этом неминуема.

Черные волхвы оценили ситуацию по-иному. С их точки зрения катаклизм будет достаточно крупным, развитая цивилизация прикажет долго жить, но в целом и Земля, и человечество уцелеют. А черным кудесникам так хочется покомандовать разрозненными племенами, как это было после гибели Атлантиды десять тысяч лет назад, что они готовы биться с нами беспощадно.

Еще таких, как мы, с Руси пошло одиннадцать ватаг. Нам надо пробиться к Черному морю, которое сейчас зовут Русским, и столкнуться с дельфинами о помощи. Простенькая задачка, особенно если учесть, что за тысячи лет до 21 века, столкнуться с дельфинами и понять их язык никому не удалось. Перевод части их звуков из ультразвука в слышимый нами вариант, участие в контакте видных ученых, вооруженных мощнейшими компьютерами тоже не помогли.

Я видел результаты тестов по исследованию ума животных по сравнению с умом человека. 100 %, видимо, было только у самого исследователя. Человечество в целом уверенно лидировало в списке с результатом 80 % – цари природы, понимаешь, спора нет. Дельфины чуть приотстали – 60 %, да и как их определять? Они в воде, мы на суше. Среди сухопутных пальму первенства уверенно держали наши ближайшие родственники обезьяны – 20 %, вся остальная звериная шушваль: собаки, кошки, лошади, все дикие животные, выше 5% не поднялись. То есть единственно разумный вывод из этого теста один – дельфины не дикие звери, а вторая разумная раса на Земле.

И люди с умниками дельфинами понять языки друг друга на бытовом уровне никак не могут, а тут придет попаданец из 21 века и за пару-тройку дней установит долгожданный контакт, растолковав морским обитателям про астероиды и исходящую от них опасность. Интересно, где они держат свои телескопы?

У нас в отряде, правда, была белая кудесница Наина, владеющая нестандартными методами общения. Она накладывала руки на собеседника, и могла передать ему любую свою картинку. Но испытывала свои умения дочь еврейского народа только на людях, и как у нее получится с дельфинами, она не знала.

Отвести астероид в сторону от Земли, это еще полдела. Если он врежется в какую-нибудь планету за нами в пределах Солнечной системы, всем остальным планетам тоже не поздоровится: изменятся магнитные и прочие полюса, сместится центр тяжести, резко изменится погода. Последний такой катаклизм извел динозавров, и на арену вышли мелкие в ту пору млекопитающие, а Марс вообще остался без воды и воздуха.

Поэтому весь этот кусок антивещества надо выпроводить за пределы Солнечной системы, куда-нибудь за Облако Оорта. Во что может въехать метеорит, может высчитать только один из лучших математиков мира, научные работы которого известны и в 21 веке, а самым точным за последние девятьсот с лишним лет календарем пользуется все эти годы Иран.

Объяснять математику, философу, музыканту и поэту Омару Хайяму, что такое астероид и как устроена Солнечная система, тоже не потребуется – он еще и один из лучших астрономов 11 века, и до опалы с 1076 по 1092 год заведовал одной из крупнейших обсерваторий мира – Исфаханской, где и написал очередную научную работу о звездах. Волхв он слабенький, вроде меня, но какой гениальный ум!

С ним столкнуться будет проще, чем с дельфинами. Любой человеческий язык мы, кудесники, начинаем понимать и сами на нем говорить после двух-трех фраз, это не проблема. Проблема в другом: как найти прячущегося от гонений и расправы человека, скорее всего часто скрывающего свое имя, в густонаселенной Великой Сельджукской Империи, имеющей 3600 километров в длину, и 3000 в ширину, что больше всей Западной Европы?

Для этих целей с нами едет Венцеслав, а в переметной суме Богуслава бережно перевозится деревянный амулет – поисковая рыбка, но как они оправдают наши надежды неизвестно.

Общее ощущение, что и меня, врача-травматолога, перекинуло из 21 века в 11 не просто так, а ради этого похода, чтобы не было изменений в истории. Хотя эта реальность и может после грядущего Апокалипсиса стать параллельной и моей не изменит. Но тут у меня случилось самая большая любовь в моей жизни, тянущейся уже почти 58 лет, и подвергать риску беременную жену Забаву я не желаю.

В этом времени я вертелся, как вор на ярмарке: лечил, пел, рассказывал анекдоты, поставил две лесопилки, торговал досками, изготавливал и продавал экипажи и кареты, обжигал кирпич. Все это принесло деньги, без которых наш поход не мог состояться – все остальные участники были бедны, как церковные мыши.

– Слушай, Богуслав, а чего ты раньше прикидывался, что греков не знаешь? Как про Анастасию первый раз стали говорить, так ты и не знал какой она нации, а про греков этих и не слыхивал сроду. У вас вся церковь под ними ходит, митрополит Константинополем назначается, письменность Кирилл и Мефодий придумали – греки известные. Византия от римлян пошла, а теперь насквозь греческая – в народе у нас ее Греческим Царством зовут. Ты мне не верил до такой степени?

Слава подумал и нехотя стал говорить.

– Я в Византии никогда не был, но знаю, что наций в ней живет тьма. Кроме греков, там и копты, и армяне, и сирийцы, а уж всяких фракийцев, иллирийцев и даков оттуда палкой не вышибешь. Основной язык там греческий, они его койне зовут. Латынь теперь уж только отъявленные книжники знают.

Сами себя византийцы ромеями именуют, а Константинополь частенько Византием называют. Я не купец, не священник, и от всех этих иноземных дел всю жизнь ох как далек. Настя-то в душе уж просто как застарелая боль жила.

Говоришь ты как-то необычно, в прочем на Руси всяк по-своему гутарит. Даже города свои бывает уж так обзовут! Вон в Полоцкой земле, он то ли Друцк, то ли Дрютеск, в Киевской земле городишко строят – он и Юрьев, и Гурьев.

Пожалуй, подумалось мне. Радио нет, телевизора тоже нет. Как говорится то или иное слово в других городах, не угадаешь – нет унификации. Да и населенные пункты ох как далеки друг от друга. Вот и тянет народ в свои местечковые говоры: где акают, где окают, где цокают, а то и вовсе пришепечивают.

– А твое слово грек сильно от нашего спервоначалу отличалось! – продолжил Богуслав.

– Что-то я не вижу разницы, – растерянный таким проколом заявил я. Может, меня все тут за косноязычного иностранца числят?

– А мне ухо резало. У тебя – гре-е-ек, а у нас грэк!

– И всего-то?

– Тебе пустяк, а меня сильно удивляло. Думал, мы о разных народах толкуем. Спросить в ту пору не решился. Вообще ты вначале многое необычно говорил.

– И что же?

– Деньги у тебя были рубли, копейки, червонцы – нету на Руси таких денег! У нас куна, ногата, мортка, полушка, векша, гривна, златник, серебряник.

– Ну гривну-то я знаю..., да и понимают меня люди...

– И я с тобой рядом потолкался, стала твоя речь как по маслу идти. В тебе, наверное, толмач какой-то действует, разрыв времени-то между нами очень велик – изменялся язык наш, поди, очень сильно.

– Да как перекинуло меня сюда, и я вас отлично понимаю, и вы меня. А в 20 веке пытался почитать «Слово о полку Игореве», – куда там! Как будто по-болгарски читаешь или с польского пытаешься переводить – что-то звучит знакомо, а понять, про что пишут, просто невозможно.

– Да эти языки от русского вроде почти и не отличаются!

– Это сейчас. А через 900 лет отдельные слова знакомы, а общий смысл хоть тресни – ничего не разберешь! Только какие-то драпезны котки и звучат!

– Эка загнули! А ведь тоже славяне...

Про украинцев и белорусов с их хитрыми языками я решил пока и не рассказывать. Впадает еще Слава в какой-нибудь оголтелый национализм и начнет кричать на каждом углу:

Я русский, а вы все неизвестно кто такие!

А какой ты браток русский? Давай-ка глянем из 21 века, а то вы сейчас все русские!

Родился в Переяславе-Хмельницком Киевской области, самом центре суверенной страны Украины и все твои предки отсюда. Ты, дружок, отъявленный хохол, так что забрось оселедец за уxo и не выламывайся!

Мы въехали в какую-то нетипичную для этой полосы дубовую рощу. В этой лесостепи все деревья были тонковаты и хлипковаты, стояли поодаль друг от друга даже в перелесках, а тут высились здоровенные дубы в три обхвата, и держались густо, как в строю. Мы ехали по уже вырубленной просеке. Ощущение было, будто это новгородская чащоба.

Неожиданно залаяла Марфа. Я остановил своего Викинга.

– Что? – нервно вскрикнул Богуслав.

– Слезай. В гости пойдем. Ребята! Привал! Обедайте пока.

А мы с боярином заломились к очередному заветному дубу через кусты. Вход в подземелье уже был открыт, нас ждали. Антек был какой-то высокий, превосходя даже императора в росте на целую голову. Провинция, что с него взять.

– Какая помощь вам нужна, русы? Золота в здешних краях нет, наша еда вам тоже не подходит...

– Какое к черту золото! – заорал Богуслав, – скорей Францию показывай!

– Подождите немножко. Вам нужен город Мулен или девушка по имени Полетта Вердьё?

– Все давай! – бесновался боярин.

В воздухе появилось округлое пятно, плавно открывшееся в небольшой проем. Замелькали знакомые домики.

– Настя, где Настя?

– Полетты здесь больше нет. Она простилась с родителями и ушла отсюда навсегда.

Слава просто упал на лавку. Его ноги, видать, подкосились и перестали держать хозяина.

– Навсегда..., – прошелестел он еле слышно, – она..., она в реке?

– Нет. Ее везут куда-то на лошади.

– Господи! – простонал Богуслав. – Показывай скорее, не тяни!

– Подождите.

Окно свернулось. Пришлось ждать минут десять.

Боярин весь извелся.

– Ее опять куда-то продали! Не успели бы от Анны люди доскакать, никак бы не успели!

Наконец проем опять открылся. Полетта разминала ноги возле коня.

– Настенька! – рванулся побратим к окну.

– Здравствуй, милый! Вот все и обошлось. Не надо больше за нелюбимого замуж выходить, и топиться не придется.

– Куда тебя продали в этот раз?

– Меня не продали. Очень вежливо два шевалье пригласили меня в гости к настоятельнице женского монастыря монахине Агнессе. Я сообщила, что родителей прижали кредиторы, и я обязана принести деньги в семью. Они спросили о какой сумме идет речь, а когда узнали, расхохотались, и монсир Поль отсыпал отцу денег в два раза больше. После этого родители проводили меня с облегчением.

– Какая Агнесса?? Куда тебя волокут? – зарычал Богуслав. – Где этот монастырь?

– Ничего не знаю, милый. Мне пока не говорят.

– А сколько будете ехать?

– Шесть дней.

Неожиданно звук заколебался, картинка задрожала и окошко свернулось. Я ж говорю – провинция!

– Эй, подожди! – крикнул Богуслав. – Куда это все делось? – недоуменно спросил он у антека.

– Мы не можем обеспечить слишком долгую связь с Францией, – начал объяснять длинный представитель подземного народа, – слишком далеко. Появляются трудности...

– Да наплевать мне на ваши трудности! – зарычал боярин, – куда мою Настеньку увезли?!

– Мы знаем не больше вашего.

– А-а-а! – больше не вытерпел Слава и унесся.

– Извините моего товарища, – сказал я, – он не в себе. Все это слишком важно для него. Вас как зовут?

– Эсгх, коротко Эс – представился антек. – Мы никогда не могли понять ваших эмоций и побуждений, – прошелестел он, – я вот уже тридцать лет не могу вникнуть в понятие любви.

– И не удастся ни понять, ни вникнуть, – заверил я собеседника, – это можно только почувствовать. У вас чувств, похоже, вообще нет, и любовь это не для вашего народа.

– У нас много чувств! – запротестовал Эсгх. – Мы часто дружим между собой, расстраиваемся, радуемся чему-нибудь.

– А как вы относитесь к женщинам?

– Никак. У нас нет женщин.

Вот это да!

– А на Западе люди рассказывают, что видели ваших женщин.

– Они видели спутниц стрелингов. Мы очень разные. Стрелинги очень любят спать со своими и с человеческими женщинами, а мы этого не понимаем.

Где уж там! – подумалось мне, у вас и женилка-то поди отсутствует, не выросла без бабья! Про детей я спрашивать просто не решился: кто их знает, может у них деление на маленьких антеков развито, или на почкование они горазды, кто их знает, наверняка какая-нибудь запретная тема в их среде. А обижать этих полезных существ мне сейчас не с руки. Поэтому я решил сменить тему, уйти от скользкого разговора.

– А где у вас следующее подземное жилище?

– В Индии. Вы не туда идете?

Конечно туда! Ноги пополощем в Индийском океане, с тамошними особо толковыми дельфинами посоветуемся, и махом назад!

– Нет. Мы до Русского моря, а там по Сельджукской империи пройдемся и назад. Ты не можешь мне показать Омара Хайяма?

– А какой он?

– Не знаю, я его ни разу не видел.

– Так искать может только Его Императорское Величество. Он у нас самый умный, самый умелый в магическом плане и самый старый. За умения его и сделали императором. Сейчас я связаться с ним не могу, у него время сна.

– А по стихам Хайяма не поищешь?

– Ни разу не пробовал. Нет опыта.

– Сейчас будет.

И прекрасные стихи зазвучали в подземелье.

Я был в обиде на Творца,

Что не имел сапог

Пока не встретил молодца,

Который был без ног.

Помолчали.

– А дальше? – спросил антек.

– Это рубаи, такой вид стихосложения, коротенькие четверостишья.

– Этого мало. Есть еще?

– Найдем!

Мне подумалось: ты хотел поговорить о любви? Я тебя уважу!

Любовь вначале ласкова всегда,

В воспоминаньях ласкова всегда,

А любишь – боль,

И с жадностью друг друга

Терзаем мы

И мучаем. Всегда.

– Достаточно. Ты был прав – вашу любовь действительно постичь невозможно.

И он начал поиск. Антеки брали у человечества самое лучшее. Сейчас они черпали знания, видимо, из Интернета, куда недавно нашли дорогу, обеспечив доступ и мне. В воздухе появилась стандартная клавиатура. Потом она стала изменяться в соответствии с их понятиями о дизайне и удобстве: исчезли английские буквы на клавишах, клавиша округлилась и приобрела очень оригинальную раскраску – зеленые круглые надписи на оранжевом поле. Ну лишь бы им нравилось...

Перед нами начали с невероятной быстротой перешелкиваться небольшие картинки. Вот это скорость восприятия, уважительно подумалось мне, такой человечеству в ближайшие девятьсот лет точно не достичь, уж в этом-то я уверен.

Мне тут вникнуть в поиск нереально – скоростью реакции слишком сильно уступаю Эсу, поэтому я не стал пыжиться и как умный надувать щеки, а тоже нырнул разбираться по Всемирной Паутине во французских делах. Информация меня удовлетворила и минут через пять я вынырнул.

Эсх уже показывал какой-то многолюдный и шумный базар.

– Похоже вот он.

Немолодой мужчина в небогатом халате пытался купить осла. У него было умное лицо с тонкими чертами, слишком длинноватый нос. Он был невозмутим и спокоен, а торгош бесился вовсю. Их арабскую речь я начал понимать как обычно быстро. Продавец хотел хапнуть за животину шесть дирхемов, покупатель давал четыре. Исход процесса купли продажи был очевиден – люфт был невелик, торговались, видимо уже давно. Наконец пять монет перекочевали из рук в руки, и ослика повели с рынка.

– Бедновато одет, – усомнился я в выборе антека. – Все-таки очень большой обсерваторией руководил.

– Я в этих ваших делах не понимаю. Но других вариантов нет – только он один мог написать эти рубаи. Его тут, правда, и называют почему-то Ибрахим, но сути дела это не меняет.

Меня это почему-то успокоило – Омар мог просто прятаться. В их государстве в то время ученых и слишком правдолюбивых поэтов изводили почем зря. Кстати, вспомнилось мне, этот вариант входит в его не совсем полное имя – Омар ибн Ибрахим, то есть Омар сын Ибрахи́ма, и он вполне мог называться именем отца.

– А где он сейчас?

– В Асире.

– Далеко это отсюда?

– Полторы тысячи верст.

– Выключи картинку, сэкономим энергию. Надо думать, поэт сейчас поведет ослика к себе домой – поставить к месту. Можешь за Омаром проследить?

– Конечно.

– Когда он останется один, откроешь к нему окно?

– Попытаюсь.

– Это важно.

– Усиленно попытаюсь.

Просидели минут двадцать. То ли там далековато, то ли гений не торопится. Наконец проем открылся. Омар стоял в какой-то маленькой комнатке с глиняным кувшином в руке, собираясь куда-то пойти.

– Салам алейкум! (Мир вам) – поздоровался я.

Хайям неторопливо поставил кувшин и только после этого ответил:

– Уа-алейкум асалям! (И вам мир).

Потом добавил:

– На демона ты, вроде, не похож. Кто же ты?

– Ты Омар Хайям?

Он вздрогнул, но твердо ответил:

– Не знаю такого имени!

Точно прячется! – промелькнуло у меня в голове. Но говорить с ним можно – никакого страха при виде антековского окна, не выказал, кувшин не уронил, заклинаний, чтобы меня прогнать, читать не начал.

– Зато я знаю. И узнаю твои рубаи только когда появлюсь на свет через 900 лет. Что тебе такого сказать, чтобы ты поверил, что я не из шахских прихвостней?

Ответ был неожиданным.

– Год смерти.

– Я не знаю твой знаменитый календарь, но по-нашему это будет в 1131 году.

– А сейчас какой год по-вашему?

– 1095.

Великий математик очень быстро пересчитал.

– Верно! Это предсказание знаю только я. Говори, зачем пришел из будущего.

– Меня перебросило для помощи. К Земле летит страшный метеорит.

– Знаю, но ничем помочь не могу – слабоват. Сильных, кого я знал, уже перебили.

– У нас на Руси похожая история. Помочь должны дельфины – у них у многих магические способности.

– Будут ли они ввязываться в наши сухопутные дела? И я не знаю, можно ли с ними столкнуться.

– Летит камень из антивещества. При столкновении Землю разнесет на части. В живых не останутся ни люди, ни дельфины.

– Я не знаю...

– Сейчас нет времени, – не дал я ему договорить, – ты далеко от Константинополя?

– Неделя пути.

– Подтянись поближе. И за это время посчитай, куда отклонить метеорит, чтобы он в Солнечной системе не задел каких-нибудь планет.

Картинка заколебалась и исчезла. Эсгх дышал шумно, аж хрипел. Состояние улучшилось только минут через пять. Потом он откашлялся и сказал:

– Я сделал все, что мог. Теперь десять дней ничего показать не смогу.

– Спасибо, всего достаточно, – поблагодарил я хозяина.

Эх, жаль свою Забавушку сегодня не повидал, думал я, выбираясь из подземелья. Не задалось.

– Ты чего там, уснул что ли невзначай? Или на твою жену у этого раздолбая сил все-таки хватило? – зарычал на меня раздраженный боярин.

Его можно было понять – он остался в сплошных потемках, куда везут Анастасию и что с ней хотят сделать. Поэтому с ним надо беседовать бережно и аккуратно.

– Жену я сегодня не видел.

– Какого ж черта ты там торился столько времени?

– Антек показывал мне Омара Хайяма.

– На кой ляд он тебе сейчас сдался? Дойдем до моря, тогда с ним и будем решать.

– Тогда мы уже сможем его только искать.

– Поищем, готовы мы уже к этому.

– И найдем где-нибудь в Ташкенте.

– И что? Чем тебе плох этот город?

– Город-то может и хорош, если есть время покататься на лошадках. Он отсюда аж за 4000 тысячи верст.

– Эх ты! – аж крякнул боярин.

Все это время мы уже ломились через кусты к месту стоянки.

– А надо еще сделать расчеты, куда эту дрянь откинуть, собственно для этого арабский математик и нужен. Сколько это займет времени, неизвестно.

– По ночам посчитает, не обломится! – зарычал Богуслав.

– С ним так беседовать не советую. Хайям тебе не раб, и не холоп твой или закуп какой-нибудь. Обидится – вообще с нами говорить не будет.

– Ну ты просить будешь...

Конечно. Как рычать так он, а как просить, так я – мальчик для унижений.

– А как по-твоему себя будет чувствовать пожилой человек, после дня бешеной скачки на коне, на которого он сел впервые в жизни? Упадет и сразу уснет, ему уж будет не до заумных вычислений.

– На чем же они ездят там? Друг на друге что ли?

– Богатые и знатные на лошадах, а кто победнее на осликах, которых там еще ишаками зовут.

– Что за ишаки? На что похожи?

– Навроде козы. А он сын ремесленника, шиковать ему особо не на что. Вот ослика сегодня купил, обнищал видно за три года, поиздержался. Он сейчас в городе Асира, за 350 верст от Константинополя. Омар оценивает такую дорогу, как неделю пути на ишаке. Я ему велел ждать нас где-нибудь поблизости от столицы Византии и решать затейливую задачу. Вдобавок, он прячется от служителей закона, и называет себя именем отца – Ибрахим, а я теперь знаю его в лицо.

– Можно и по родственному имени отыскать.

– Только послезавтра он уже будет Кодадад или Сохраб, у них разных имен много, не угадаешь.

– Через антеков спросить!

– В Индию обернешься?

- Это еще где? – удивился боярин.
- На краю света. Отсюда 5000 верст.
- Что ж как далеко-то все! – простонал Слава. – Неужели этих карликов поближе нету?
- Как не быть, есть конечно.
- И где?
- Мы оттуда только что вылезли.
- Ладно, ты все сделал правильно. Но я-то ничего толком не узнал! Волокут ее куда-то в монастырь двое молодых, как Настя их зовет? Швали, что ли? То ли в монахини хотят постричь, то ли изнасиловать и убить, кто их иноземцев поймет. Агнесса еще какая-то навязалась на мою голову! В общем ничего не понял. Может еще раз к этому мелкому к вечеру сходим?
- Сходить можно. Посидим, потолкуем о том, о сем.
- О чем мне с ним толковать, с кротом подземным?! Пуцай Настю показывает!
- Через десять дней милости просим. А сейчас с Эсгхом можно только поговорить.
- А кто такой Эхом?
- Это он тебе сегодня Настю показывал. После нас двоих так уработался, что аж захрипел, как загнанная лошадь. Антек горит на работе, сделал все, что смог. Но сила не как у императора, поэтому чуть не помер от усердия.
- Что, Антекон у них сильнее всех?
- И умелей. Должность выборная, голубая кровь и родство значения не имеют. Важны только личные качества.
- Я теперь удумаюсь, – мрачно заявил Богуслав.
- Сейчас развеселишься. Пока Эс Хайяма искал, я в Интернет зашел, и получил разгадки на все твои загадки.
- Говори скорей! – вскинулся боярин.
- Шевалье – это обращение к знатному господину, обычно странствующему рыцарю. Как-то Анна ухитрилась их организовать на доставку ей Насти. Ее слуги явно не успевали, а эти Поли или Пьеры где-то близко околачивались.
- Они же странствуют! Где их можно поймать?
- Могли быть в гостях у одного из герцогов Бурбонов, Мулен это их город, или у кого-то из их родни, а то и высшей прислуги – кто их знает. Бурбоны происходят от царствующей сейчас династии Капетингов, они ее младшая ветвь, и рисковать надругаться над девушкой, которую везут по просьбе матери нынешнего короля Филиппа Первого, не рискнет никто. Довезут в целости и сохранности.
- А что за Агнесса тут появилась?
- Это церковное имя Анны Ярославны, получено при монашеском постриге.
- И Настеньку мою... постригут? – голос Славы дрогнул. – Она ведь твердокаменная, будет в монашках по гроб жизни сидеть, не переборешь...
- Зачем Анне это нужно? Она знает, что Настя для тебя предназначена, хорошо помнит вас обоих, и просила за вас авторитетная ведьма Пелагея, ее бывшая наставница. Так что и с этой стороны чего-нибудь паскудного можешь не опасаться.
- Уф, вроде полегчало, – выдохнул боярин. – Сейчас съедим понемногу пеммикана, запьем водичкой, а поужинаем уже в Переславле в моем тереме.
- Когда уже довольно-таки далеко отъехали от места стоянки, Богуслав бросил гадким голосом орать одному ему ведомую песню про поход в Тьмутаракань и спросил меня:
- А что это ты там толковал про королевскую династию? Я как-то не разобрался, у нас Руси никаких династий нет.
- Как это нет? У нас сейчас правят Рюриковичи.
- Рюрик давно помер.

– Рюрик-то умер, а до сих пор правят его потомки. Они-то и есть Рюриковичи.

– Кто такие?

– Да все русские князья, все эти князи Игори, Вещие Олеги, Владимиры-крестители, Ярославы Мудрые, все, все они Рюриковичи.

– А мой сын – Владимир Мономах! – гордо отделился от княжеской оравы Богуслав.

– Это он такое прозвание взял по матери, а по официальному отцу, князю Всеволоду, и он Рюрикович.

– А в других странах так же?

– Конечно. В Англии сейчас властвует Нормандская династия, а потом сменится еще несколько: будут и Плантагенеты, и Тюдоры, и Стюарты, и Ланкастеры, а в мое время сидят для вида Виндзоры.

– А во Франции?

– Там были Меровинги и Каролинги, сейчас у власти Капетинги, после них пойдут Валуа и Бурбоны. В 21 веке французам хорошо живется и без короля – потягивают легкое винишко и в ус не дуют.

– Сколько всяких династий, аж голова идет кругом! Как ты все это помнишь, ума не приложу! Память у тебя поразительная.

– Моей памятью поражать только деток малых, которые только что из люлек вылезли и говорить научились. Они вообще ничего не знают, и я им покажусь светочем знаний. Всю жизнь соображалкой больше беру, а не памятью.

Последнее время, правда, одарили меня волхвы абсолютной памятью – запоминаю все насмерть и навсегда. Матвей меня после этого искусству боя на саблях и рукопашному бою за пару дней обучил. Я все помню, и мышцы мои все помнят, повторять сто раз каждое движение не требуется. Теперь постоять за себя могу не хуже опытного ушкуйника без всякой магии. И убить голыми руками вооруженного врага уверенно сумею.

Да еще плюс к тому могу вспомнить все, что угодно из своего прошлого, лет после семи. А тут еще антеки уважили – обеспечили бесперебойным выходом в Интернет 21 века. Я во французских делах как разобрался – пока антек астронома искал, почитал то, что есть по Анне, королеве Франции. И сейчас: одним глазом на дорогу поглядываю, другим на королевские династии разных стран посматриваю.

– А как это на Руси будет? Тысячу лет одни Рюриковичи будут сидеть?

– Это нет. 200 лет уже высидели, еще 500 посидят, и конец их правлению придет. Несколько лет Русь поголодает из-за Годуновых и на 300 лет придут царствовать Романовы. В 20 веке убили злые люди последнего императора, его жену, пятерых детей, и людей, что при них состояли: лекаря, повара, комнатную девушку и лакея.

– Этих то за что?

– Кто их этих убийц знает. Тяжелое время, мутное время. Убивали русские люди других русских людей сотнями тысяч. Как писал поэт того века Семен Гудзенко, правда, по другому поводу:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели.

Ладно, хватит о печальном. Спой еще какую-нибудь разухабистую песню.

Вдруг боярин остановил коня и перекрестился. Я, на всякий случай, тоже. Он глядел куда-то вдаль, и глаза его подернулись поволокой.

– Здравствуй, Родина, – негромко произнес Слава. – Твой блудный сын воротился.

Зрение у Славы было как у орла. Я маковки куполов церквей начал различать только минут через пять теперь уже быстрой езды. Если так же бойко скакать, через полчаса должны бы прибыть в родовое гнездо бояр Вельяминовых.

К нам подъехал поближе протоиерей Николай на Вихре. Чтобы не сильно умаивать лошадей его нешуточным весом – сто с лишним (ох далеко лишним!) весом, их под ним меняли. В основном это были Зорька и Вихрь.

– Надеюсь, что в Переславле меня избавят от ненужной защиты и опеки? Очень хотелось бы одному посетить местные церкви, епископский каменный дворец – тут повсюду есть на что полюбоваться.

– А в других русских городах этого нет что ли?

– Здесь до 1045 года была кафедра русского митрополита, а все шесть епископов к нему каждый год на неделю съезжались. Кафедру перенесли в Киев только после того, как Софийский собор там отстроили. Митрополит переехал, а красота, воплощенная в камне, фресках, мозаиках осталась. Поэтому здесь все самое лучшее. Многие из икон увезли в столицу, но многие работы византийских, корсунских и наших первых мастеров-иконописцев прижились, творят чудеса, и их не решились тронуть. Представляете, здесь иконы самого преподобного Алипия висят!

Я, кроме Андрея Рублева, никого из иконописцев и не знал сроду, но тот, вроде, жил попозже.

– Народ еще в Киеве баял, что ни одна икона на Руси так не лечит, как Великая Панагия этого иконописца. Да он и сам лекарь от Бога. Пришел к нему прокаженный, Алипий его язвы краской, что для написания икон у него стояла, смазал, и тот теперь здоров!

– Народные басни, поди, – усмехнулся скептик Богуслав, – их у него много.

– Я тоже вначале усомнился, но знающие люди из наших, меня к этому Григорию отвели, тот в Киеве проживает. Он из купцов, и эту злую лихоманку где-то в дальних странствиях подцепил. Да, говорит, Алипий только краской помазал, на следующий день все язвы исчезли, слава Богу, а то я уж чуть руки на себя не наложил – кто у больного такой болезнью хоть что-нибудь купит? Сейчас счастливо с женой и детьми живет, никто не болеет.

– Ты, святой отец, меня, конечно, извини, но пока ты без охраны не останешься, – начал объяснять я. – Ведьма, скорее всего от нас еще не отстала, а нам надо мысль, что ты у нас главный боец, у нее в мозгу укоренить. А для этого...

...она должна видеть, как меня усиленно караулят, и слышать, как об этом говорят, – продолжил протоиерей, – Я все помню, и повторять мне не нужно. Кто пойдет?

– Матвей точно, он любую слежку в любой толпе учует – или увидит, или услышит, и для компании еще кто-то. Ты, Коля, главное не заломись второпях один – даже если ведьма тебе в глаз шилом не ткнет, как мне пыталась, то и так все труды прошлого раза по ее поимке идут насмарку, и главное, – погибнуть можем все, дело-то не шутейное. Ребята, пока ты иконами любуешься, могут и на улице подождать, мешать не будут.

– Один не выйду с постоялого двора! – твердо пообещал священник.

– Это точно, – заметил Богуслав, – потому что остановишься у меня в тереме.

Николай обиженно хмыкнул и отъехал от нас подальше.

– Вот зачем ты эту-то малину обгадил? – взялся я стыдить боярина, – так до твоих речей все хорошо было!

– Да я все думаю, как же бедная Настенька там на чужбине мается, она ведь русская княгиня. Ни в баньку сходить, ни шей похлебать. Ни одного православного храма на тыщу верст вокруг нету, ни одной иконы настоящей.

Я с интересом психиатра поглядел на Богуслава.

– Слав, у тебя от этой французской истории совсем ум за разум заходит. Анастасия, вообще-то, была византийская принцесса, дочь императора Константина Девятого, она Мономахиня. Ей скорее по каким-нибудь термам надо скучать, по хитонам и туникам, по виду на море.

– Какая она там к черту дочь и Мономахиня! Император вообще бездетный был. После него на трон Стратиотик бойко вскарабкался, позабыл за давностью лет, как его звали, Михаил что ли? – а Мономахи закончились. Нет больше такой правящей династии в Византии. Стал бы он единственную дочь каким-то там диким русским отдавать.

Вдобавок за Всеволода, четвертого сына Ярослава Мудрого, у которого шансов сесть на престол киевский, почти нету. Может если бы опасность какая со стороны русов была, и отдали бы, так ее сосватали за второстепенного женишка, по мирному договору после того, как они нас побили, а не мы их.

И контрибуцию в тот раз Русь Византии, а не наоборот платила. Родную дочь бездетный Константин из Константинополя нипочем бы не отпустил, а выдал бы замуж за какого-нибудь своего рьяного сторонника. Анастасия деток бы нарожала, и Константиновы внуки плотно трон бы обсели. И Мономахи долго еще были бы на коне. Только Настенька ему седьмая вода на киселе, чья-то там дальняя родственница, она мне объясняла, только я в их хитром родстве быстро запутался, молод и глуп был, потому ее охотно и отдали. А русские тут же подхватили – мы из Момахов, давай двуглавого орла сюда!

– Орел тоже оттуда? – удивился я.

– Откуда же еще. И тоже не от Момахов взят, его Настенька у каких-то неведомых Палеологов видела. Поэтому Настя с Вовкой Момахи, как я Валуа. Володя он и не Рюрикович и не Момах, он в сути Вельяминов. А туда же – орелик с двумя головками на его знаменах красуется. А чем он этот орел славен, никто ничего и сказать не может.

– У Владимира, а особенно у Мстислава, он себя во всей красе проявит. А когда его цари Руси своим гербом сделают, заставит весь мир уважать силу русского оружия. А Владимир – боярин твоей смелой крови, и благодаря этой боярской крови его через 900 лет будут считать лучшим Великим князем Руси следующего столетия. А твой внук Мстислав получит прозвание Великий, и вот он-то и будет лучшим из лучших, жаль мало посидит на престоле.

– А что ж так?

– Умрет во цвете лет.

– А от чего?

– Достоверно неизвестно. В рукописях просто пишут: такого-то числа князь помре, и больше никаких изысков. Доживем – посмотрим. Может и по-иному эту страничку напишем, 56 лет, ну что это за возраст для обычной смерти.

– Или отравили, или внезапная болезнь настигла, – предположил боярин. – Я наш род на 150 лет каждого прямого своего предка знаю, всех могу назвать поименно, начиная от дружинника Мала Барана, нашего основоположника. Так быстро у нас никто не помирал. В битве убили Андрюшку Хромого, так и то ему 59 лет отроду уже было.

Хотя в Мстиславе половина английской жидковатой кровушки залито от матери – Гиты Уэссекской. Мне эта принцесса по сию пору хлипковатой кажется. Ладно, поеду приглашу этого протоиерея обидчивого к себе в гости, а то на постоянный двор упрется, карауль его там.

Боярин поскакал вежливо беседовать со священником, а я направил коня к Матвею. Бывший ушкуйный атаман был не весел – сильно скучал по милой женушке Елене, сидящей в одиночестве на лесопилке. Чужие люди: грузчики – подсобники пильщика и их жены не в счет. Тем более не котиrowался для замены любимого мужа тесть, не заработавший за жизнь ничего, кроме гнилой избенки да дрянной лавчонки. Некоторое время мы ехали рядом и молча тосковали по покинутым беременным женам.

Наконец я не выдержал.

– Матюх, не печалься так. Лена, уж поди, домой к маменьке с папенькой назад убежала – там тебя ждать будет.

– Да и я так думаю! А ретивое все не уймется в груди... Не вовремя я ушел, когда она в тягости...

– И у меня та же история. Только не отведем мы камень, всей Земле конец придет, развалится на куски. Тогда всему и всем конец.

– А ты говорил большой ураган и землетрясение будет, всемирный потоп может случиться, а про такой ужас и не говорил, пугать что ли меня не хотел? – нахмурил брови атаман Смелый, получивший свое прозвище среди вояк, славящихся своей безудержной храбростью – ушкуйников.

– И не мечтал тебя обманывать, в ту пору так все волхвы думали – и черные и белые. С обычным метеоритом так бы все и вышло. Только подлетел он поближе, и антеки, и белые кудесники поняли, – этот камень из такого вещества, что будет ужасающий взрыв, погубящий нашу планету вместе со всеми обитателями.

Неймется только черным волхвам, очень уж им власти хочется, и будут они стоять против нашей ватаги насмерть. Сейчас нас пасет ведьма Василиса, которая Богуславу в сердце ножом ткнула.

Мы ей еще в Киеве внушили, что у нас в команде главная сила у протоиерея, и он жаждет Невзора убить. Это сделано для того, чтобы черный колдун бился со святым отцом, а на нас не обращал внимания. Тут-то мы его и прищучим. Без этого шансов на победу у нас практически нет.

– А Богуслав?

– Задержит на считанные секунды, не успеем убить врага.

– А святой отец?

– Продержится сколько угодно. Убивать Невзора не станет, а защитит всю ватагу легко.

– Ты с Наиной?

– Слабосильны оба. Я с арбалетом вперед полезу, она у чужого волхва умения приуменьшит. Так что от священника большая польза может быть.

– Моя задача в Переславле?

– Охранять попа от всяческих девок, баб и старух – Василиса может принять облик любой женщины, и шуметь на всю улицу о том, какой он сильный, и как легко сможет убить Невзора.

– Один пойду?

– Возьми себе в помощь Олега или Ивана. Ты старший, они оба вахлаки и идут просто для количества.

– Годится. Гадину эту ловить?

– Ни в коем случае! Случайно если схватишь, дай ей убежать. Нам не она нужна. Надо, чтобы в это вранье Невзор поверил.

– Сделаем, не переживай.

– Ведьма в церковь ни за что не войдет, и вы вслед за протоиереем туда не лезьте – на крылечке погуляйте, у притвора постойте.

– Все сделаем. Поехали, сам все Ваньке объяснишь.

Бывший кирпичник Ваня согласился без лишних споров, Наину я отсек – не время тут умничать и любимым мужем помыкать. В Киеве иудейку крестили и молодые поженились в православном храме. Мы с Татьяной были свидетелями. Решающим для Наи аргументом послужила моя хитрая фраза (я ж хитрый как осел!) о том, что нежелательно, чтобы ведьма Василиса видела, как ей противостоит представительница умнейшей нации.

– Ладно, убедил. Я девушка понятливая, – со свойственной ей скромностью сказала Наина. – Кстати, а чем ты так удивил неукротимого дядю Соломона и моего жадного, но неустрашимого бывшего мужа, что их аж клинит при упоминании о тебе?

Как матерый многоженец и разведенек, орудующий аж в трех веках, я прекрасно понимал, что для еще молодого мужчины Абрама будет очень обидно, если его ехидная бывшая жена узнает, что его за неловкость и неумение не взяли в Великий Поход.

И сколько ядовитых измышлений об его уме и ловкости будет вылино на многострадальную голову бывшего! Ты дурак, жадюга и подлец, с тобой жить невозможно даже такой терпеливице, как я. Ты за ребенком не следил никогда. Денег на Эсфирь не давал сроду. Все твои заработки уходят на проститутток. В поход, в который пошли все, кому не лень, а Ванечку, моего Ванечку, атаман не знал, как заманить, тебя, с твоей тугой мошной, просто не взяли.

Чтобы всего этого избежать, пряча лживые глаза, я совершенно честно заявил:

– Удивил способностью к скоростному счету! Проценты горазд считать.

– Ничем не угрожал? Мы, евреи, знаешь какие обидчивые...

– Что ты, что ты! Я вашу нацию больше, чем Ваня люблю! Уже об выращивании пейсов начинаю всерьез задумываться!

Тут заржал даже Ванька, святая простота. Да, что-то я, вроде, перешкалил... Возмущенная очередным надругательством над богоизбранным народом, Наина пришпорила свою кобылку и унеслась вперед.

– Ну, я поскачу за ней, – понуро заметил подкаблучник, – а то она теперь три дня молчать и дуться будет...

– Скачи, скачи. Скажи: Володя, мол, извиняется за неудачную шутку.

Молодой вихрем унесся, а я ехал и думал, что правдивость и вежливость лучшие средства для общения с другими народами. В общем, олам, фрайншафт, мир, дружба – одно великое дело делать идем, иначе полный азокен вей в Солнечной системе! Это искупает все трения между двумя очень своеобразными нациями.

Да и я, кроме шуток, к евреям отношусь хорошо – отнюдь не антисемит какой-нибудь. И в этот раз чем уж я таким особым проштрафился? Организовал еврейский погром или опорочил честное имя народа, давшего человечеству Иисуса Христа и Деву Марию выдумками о добавках в мацу крови христианских младенцев? Отнюдь.

Просто неудачно пошутил над слишком значительной для смелого и умного народа вещью, которая может быть очень для них важна?

Ладно! Мы Землю спасать идем, дел выше крыши. И Наина махом остынет, когда вспомнит, как быстро решила ее проблема получения развода от неустрашимого мужа при моем участии.

Попросил Пелагею через Таню, в которой она находилась, тоже сменить облик и проследить за процессом обработки Василисы.

– Хорошо, – согласилась Большая Старшая ведьм Киева. -

Спроволим. Не подведу.

Подъезд к Переславлю был затруднен двумя широченными защитными насыпями, хоть телеги по ним пускай, высотой метров 10-15, усиленных еще с одной стороны глубоким рвом. Поверху шел частокол с бойницами и сторожевыми вышками.

Защитники имели какой-то подозрительный вид – драные кольчуги, грязные портки, большая часть в лаптях или вовсе босые. Слишком разномастное вооружение – сабли, мечи, копья соседствовали с ржавыми секирами, топорами, булавами, кистенями и просто суковатыми дубинами, а иные бойцы устрашали врага одними ножами, – все это вызывало сомнения в регулярности этого воинства. Обычно так одевались и вооружались лесные разбойники и городские бандиты.

С внешним видом и экипированностью дружины новгородского правителя Мстислава, сына здешнего князя Владимира Мономаха, этих порубежников было не сравнить. Вдобавок кое-где уже орали пьяными голосами разудалые песни.

– Это что за рвань Мономах тут собрал? – поинтересовался я у Богуслава. – Да еще кособоров каких-то нарыл... Не пройти, не проехать!

Боярин вначале удивился, а потом так захохотал, что его мощный конь аж присел от удивления, а мой слишком молодой Викинг шархнулся в сторону.

– Рвань говоришь? Оха-ха-ха! Нарыл? Га-га-га! – и вытирая слезы с глаз, добавил: – вот спасибо, вот порадовал! – охо-хо. Это ж Змиевы Валы, чудак ты человек! Аж в боку закололо – эх уважил!

– А что ж за змея тут ловили? – поинтересовался эрудированный я, – пятиголового какого-нибудь?

– Не, ну такие-то вещи все-таки надобно знать, хоть ты у нас человек и пришлый. Эти Валы стоят тут с незапамятных времен, видимо для защиты нашего народа от южных врагов. Кто строил, когда, стерлось из памяти народной. С юга приходили византийцы, потом печенеги, теперь прут половцы. У нас все вятичи, кривичи, древляне и прочие объединились в единый русский народ с общим языком и столицей в Киеве, а вороги никак не унимаются – все прут и прут.

Валы выстроены очень грамотно с военной точки зрения, это я тебе как опытный воевода говорю: ров находится с той стороны, откуда могут прийти грабители и завоеватели. Сделаны большие выступы в эту же сторону. Поэтому валы сверху выглядят как след от извива ползущей змеи.

Но народу хочется красивой сказочки, и он ее измыслил. Громадный Змей пожирает русских людей почему зря. Княжеская дружина не в силах его одолеть, только несет большие потери. Поэтому князь призывает на помощь русского богатыря Никиту Кожемяку.

Богатырь идти не хочет, но общий плач детей, женок, стариков (и княжеских дружинников, добавил я про себя) вынуждает его идти на смертный бой. Никита Змея одолевает, но убить почему-то не может. Тут есть масса разных повествований (от меня: или вариантов, как в нашей отечественной науке – истории) и Кожемяка со Змеем решают Русь поделить. (Мой вывод: и на своей Змеиной половине поедай Пресмыкающийся, кого твоей душеньке и утробе угодно!)

Никита кует громадный плуг, запрягает в него Змея (технический комментарий из будущего: замысловато небось было надеть хомут на такую лошадку!), и распахивает землю на две части. Змиев Вал, вроде, след от этой пахоты. Только следов таких слишком много от Киева до границы Руси – города Воина, на всех Змеев не хватит. И идут Валы отнюдь не к морю.

Тут я запротестовал против такого окончания.

– Так куда в конечном итоге Змей-то делся? Русский народ в моем лице желает знать!

Отказа не было. И Боян-Богуслав продолжил былинную историю.

– Змей ужасно умаялся, и сильно захотел пить. Напился воды из моря. А был он огнедышащим (экая оказывается пакость ползучая!) и его от вскипевшей воды паром разорвало. Туда ему и дорога (вот и сказочке конец, а кто слушал молодец!).

Только Валы человеческими руками выстроены. Иногда их из-за оползней после таяния снегов или обильных дождей кое-где размывает, и вылезают деревянные конструкции, которые все эти косогоры, как ты их назвал, держат.

Вот под эти неспешные беседы мы и въехали в столицу Переславльского княжества, южного форпоста и рубежа средневековой Руси. Вначале поразили кирпичные стены, защищающие город. Нигде на Руси в 11 веке каменных стен еще не было! Точнее, может они где-то уже и были, но мне не попадались. Великий Новгород, Смоленск, Киев всего лишь окружены деревянными частоколами. И это главные города Земли Русской! Про мелочевку, вроде моей родины Костромы, полугорода-полудеревни, вообще промолчу.

Переславль цвел неизбывной русской церковной красотой. Влияние митрополита чувствовалось на каждом шагу, а ведь эти ставленники Византии уж пятьдесят лет, как перебрались в столицу всея Руси. Но церкви, в основном сложенные из плинфы, кирпича этого времени, сияли как пасхальное яичко и отличались даже от киевских построек.

Тротуары были замощены досками не хуже, чем в обоих самых крупных городах Русской Земли – Новгороде и Киеве.

Наконец мы прибыли к боярскому терему. Богуслав рывкнул прямо через калитку:

– Открывайте ворота, дармоеды! Обленились тут! Хозяин вернулся!

За частоколом загалдели, и здоровенные ворота со скрежетом начали раздвигать створки. К Богуславу подлетел здоровенный ратник в кольчуге. Обнял его левую ногу и зарыдал.

– Ладно, Лазарь, полно тебе... – растроганно втолковывал боярин своему дружиннику, – али помер кто?

– Что ты, воевода, живы все и здравствуют твоими молитвами, – утирая слезы и сопли рукавом полотняной рубахи (кольчуга была по плечи) доложил Лазарь. – Дома неладно, боярыня с тиуном чудят на пару, и не скажи ничего – я ей не указ.

– Ладно, потом потолкуем. Сейчас не время. Размести гостей и лошадей, да скомандуй, чтобы ужин затевали. Мы от Киева не жрамши скачем.

– Конечно, сейчас все спроворю! Тит! Лука! Коней примите!

Потом нас распределили по большому терему, который не уступал княжескому в Новгороде по размерам. Поселили с выраженной смекалкой: Ваня с Наиной, Олег с Татьяной, – эти по любви, тут дело ясное. Матвей с Венцеславом – общность интересов: битвы и вооружение. Меня присудили пожить с протоиереем – пригляжу, чтобы не шмыгнул куда-нибудь и не нашел на свою святейшую задницу ненужных приключений.

А сам Богуслав отправился проследить за приготовлением вкусной и здоровой пищи. Вернулся он быстро и злой, как пес.

– Ох и скот, видать, этот ее тиун Елисей! Ограбил, как есть обокрал, гад смердячий! У меня, боярина Вельяминова, дома, поздней осенью жрать нечего! У нас, даже когда неурожай по два-три года держится, и ранней весной, когда половина Руси потуже пояса затягивает – всегда в тереме еды изобилие было.

Мы же богатейший боярский род! У меня 24 крупных села и мелких деревень без счета. Сейчас, перед зимой, погреба да ледники должны быть забиты под завязку. Засеку Капитолину, подлюку, а Елисея, если поймаю, распну!

– Капитолина, это, видимо, жена? – поинтересовался я.

– Да кто бы еще без меня тут командовать осмелился! А этот ее гаденыш живого места на хозяйстве не оставил! Детей уже голодными спать положили, у коней, кроме какой-то гнилой трухи, никакой еды нету, оброк со всех поселений украл! И удрал, как только проведал, что я появился. На лучшем коне, моем, любимце Коршуне, негодяй ускакал! Лазарь с двумя дружинниками за ним погнался. Им жалованье за все время не плачено, как только я в Новгород отбыл. Мужики на этого тиуна злы необычайно! Боюсь, не убили бы по дороге, потолковать еще с этой гнидой хочу.

– А жена что же? Вообще полная дура?

– Кто их этих баб поймет! Она меня гораздо моложе, сорок лет только-только исполнилось, на морду приятная, а душа – потемки. Ничего в ее вранье не разберешь! Дружинники толкуют, что любовь Капка тут с Елисеем крутит. И она почти уверена, что я ее не трону, но на всякий случай схватила деток, к себе прижала, и все вместе воют и плачут!

– Папка! Не убивай мамку! Она добрая и хорошая!

Тьфу! А моя кобыла еще за своего Елисейку просить осмеливается! Не наказывай его строго, он славный... Не знаю, прямо, чего и делать-то...

– Слушай, Слав, а народ чего в тереме про эту историю толкует?

– Дружина ропщет, у всех семьи голодные сидят, а с бабами еще не говорил. Да и чего с ними толковать-то! Все за хозяйку врать будут!

– Кто их знает. Елисей этот, видать, глуповат – осмелился ратникам не платить! Они ведь где встретят его после этакой проделки, там и убьют, по судам таскать не станут. Скорее всего он и теремным девушкам, и сенным тоже особо денег-то не давал. Поумнее бы был, все были бы сыты и довольны, а боярыню обокрасть каждый второй бы не против. Сейчас бабы

помалкивают, потому что еще не знают, как ты себя поведешь, на чью сторону встанешь. Может это все игра, чтобы народу просто денег не платить, и ты в ней главный заводила?

– Ну ты скажешь!

– А ты чего говоришь? Ратники тебя в деле видели, знают каков ты человек, чего стоишь в этой жизни. Лазарь, он чего зарыдал, когда тебя увидел?

– Да под ним как-то коня убили, и коняга тушей ему ногу придавил. И половцы уже к нему летели, добивать да грабить. А мы отступали последними как раз об эту пору, нас уже трое осталось, и ратники оба ранены, на конях еле держатся. Какие уж из них бойцы!

– И что?

– Да ничего. Раненым велел дальше скакать, сам вернулся, стал с половцами биться, а их пятеро. Только двоих зарубил, их еще десяток скачет. Ну, думаю, хана нам с парнем, не выстою я один против этакой оравы.

– И что? Убежал?

– Типун тебе на язык! Мы, Вельяминовы, своих не бросаем. Бился дальше. а меня уж ранили в ногу. Истекаю кровью, а перевязать некогда. Тут сзади наша засадная сотня долетела нам на выручку – спасли обоих.

– Вот после таких твоих дел, когда ты за простого ратника на верную смерть пошел, тебя и любят, и уважают, тебе верят. А местное бабье, чего они от тебя видели? Крики, затрещины да порку на конюшне?

– Да я орать то ору, а порю и бью крайне редко.

– А они на всякий случай побаиваются. Кто ж тебя, боярина знает. С тебя за их простолюдинские жизни взыску не будет. Поэтому не ввязываются и помалкивают – так целее будешь.

– Да на что мне эти бабские вымыслы! Ты вон еще пса Трезора сюда позови, да порасспрашивай! Вдруг видал чего важное... Как я решу, так и будет. Не последний я тут человек.

– Рад за тебя, – с мерзкой ехидной улыбкой сообщил я. – Шестидесяти еще нет, а уж каких высот достиг. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Правда, молодуха-жена связалась с тиуном, и на пару они ободрали тебя, как липку. Дело-то житейское, сам ты тоже не без греха – своего прежнего князя ребеночком одарил и его жену-гречанку до самоубийства довел. Да и сейчас в радужных планах поездка во Францию и возвращение с особо молодой французенкой. Поэтому мелкие проказы жены будут прощены за ее прежние заслуги, тиун останется не пойман – где его на ночь глядя по Руси сыщешь, мы поедем дальше – недосуг нам со всей этой мелочевкой возиться, и все это обильно будет залито женскими и детскими слезами. И ты Капитолину простишь за ее мелкие грехи, на Елисея наплюешь с высокой колокольни, чего-нибудь продашь, от отца еще оставшееся, считаешься кое-как с дружиной и дворней, и все будут счастливы.

Богуслав, вначале гневно на меня взиравший и расправлявший широченные плечи, чтобы удобней было заорать на меня по окончании моих нахальных речей, вдруг как-то понурился и сдулся – видать, пар ушел в свисток совершенно беззвучно.

– А ведь так все и будет..., истину баешь..., дело говоришь...

– А дальше больше, – неумоимо добивал рьяный дятел моей беспощадной логики сломленного боярина, – привезешь ты Настю из Франции, и что?

– Что... – эхом отозвался слушатель.

– Жить вам негде и не на что, будете вы не венчанные, осуждаемые на каждом шагу церковью и людьми! Настеньку совсем заклюют, тебя будут грызть неумоимо и неустанно все, кому не лень. И щенок-князь, совершенно не знающий жизни, которому ты будешь служить, и самый распоследний молодожен-ратник из твоей же дружины, косноязычный попик из заштатной церквушки в твоих владениях, все, все будут считать своим долгом наставить тебя на путь истинный и вернуть в лоно брака, сдав в руки неверной жены.

А уж Капитолина своего не упустит! Оденется как монахиня, пустит изобильную слезу, всех посетит, везде отметится, показывая, какая она жертва безвинная. За ней везде будут бродить твои сыны, и в два голоса хором петь на церковный мотив:

Отец подлец, он нас оставил!

Денег со своей усадьбы больше не жди, народ, включая Владимира Мономаха, встанет стеной на защиту поруганных прав безвинно брошенной жены.

И это жизнь? Это счастье? Через месяц не только Настю, но и тебя придется за руки держать, чтоб не утопился.

– Всех порублю!

– Кого именно вниманием своим одаришь? Елисея-тиуна? Его уже Митькой звали, нипочем Лазарь его не поймает. Ратник не ищейка, не следопыт – никого не сыщет.

Снесешь башку тихой плаксе-женке, которую сам же и бросил? У нее, поди родни, как у дурака семечек, всяких тетушек-бабушек-своячениц-кумушек и сестер родных и двоюродных не счесть. Враз твоих сыновей против тебя настроят, двух молодых кровных мстителей за родную матушку получишь! Ну и позору не оберешься. Капитолина перед этим на каждом перекрестке выкрикнет:

Я Славочку любого люблю и назад приму! Пусть бросит о заграницах сказочных, да красавицах заморских мечтать!

А ты ее за сладкие речи мечом порубал! И опять ты в родном городе в дерьме по уши!

– Мы уедем! – аж заскрипел зубами Богуслав.

– Куда? Денег нет, земли нет, умений, кроме как махать мечом никаких. Чтобы взяли на работу хотя бы простым ратником, надо сказать, где прежде служил, чем прославился. Назовешь свое истинное имя, дурная слава тут как тут, она по Руси быстрее ветра пролетит, никуда от нее не спрячешься. Боярин Богуслав Вельяминов? Тот самый? Извините, мест нет, мы тут все народ богобоязненный, приличный, от родных жен по зарубежным девицам не бегаем!

– Назовусь иначе!

– Ответят: извини, старик Мышкин-Пышкин, таких пожилых уже не берем. Завтра ты совсем ослабнешь, корми тебя тут приживала этакого. В твои годы давно уж навоеваться пора и к печке надо пристраиваться, под теплый бок к старухе-жене. Есть у нас в твоих годах Митрич, так он в нашей дружине больше тридцати лет, нас всех с молодых пареньков обучал. Его не бросим нипочем! А ты проходи, проходи, свет не засти, время не отнимай...

Богуслав уронил голову и тихо завыл.

– А выход есть. И делать это надо сегодня, сейчас, потом поздно будет – уйдут сани! Будешь себя бить в чугунный лоб здоровенным кулаком и завывать:

Эх я дубиница глупая, бурелом дремучий! Упустил, проглядел такой момент! Само все в руки шло, только успевай хватать! А я, старый дурак, разнюнился, на бабьи слезы и сопли повелся! Провели на мякине, меня, битого жизнью, израненного, как зеленого пацаненка! И упустил Жар-птицу! Такой шанс два раза в руки не дается..., упустил, опростоволочился, вся славная жизнь насмарку!

Богуслав вскочил, схватил меня за плечи железными ручищами.

– Помогай, брат! Первый раз в жизни я так вяпался! Стою, как кутенок слепой, вроде в густом тумане очутился: ничего впереди не вижу, не понимаю, чего делать, куда бежать – ничего не чую! Помоги! По гроб жизни за тебя Господа молить буду!

– Успокойся. Поди спроворь все-таки еды, ватага целый день не евши.

– Да я там велел последних курей порубить, сейчас пожарят. Голодными ребят и девочек не оставляю. А ты занимайся, умоляю, Христом Богом прошу! Не упusti золотое времечко! Я воевал, знаю: чуть зазеваешься, упustiшь золотой момент, а он долгим не бывает, потом из кожи вон лезть будешь, жилы рвать, – а уже все, близок локоть, да не укусишь! Упустил!

– Ладно. Иди корми наш народ. На Матвея и Яцека оставь чего-нибудь – они пока уйдут.

– А ты?

– Может и я пойду, еще не решил. Давай позанимаемся каждый своим делом. Мешаться друг другу не будем! А где попрошу – помоги, у тебя тут в подчинении народу поболее, чем у меня.

С тем и разбежались.

Я ввалился в комнату следопыта и ушкуйника. Они только-только разулись, и сидя на кроватях, расстегивали ремни и оживленно болтали, оценивая дамасскую сталь и сравнивая ее с булатной.

– Ребята, надо поискать одного человечка. Он Богуслава обокрал кругом и убежал. Если до утра провольним, уйдет гад. А вот ночью, по темноте, не распрыгается. Извиняюсь, конечно, но надо именно сейчас скакать.

Матвей молча застегнул пояс и начал натягивать сапоги. В среде, где он вырос, приказы атамана в походе не обсуждались – через это можно было и головы лишиться.

А вот поляк, чувствуя свою особую значимость в поиске, откинулся в кровати полностью и заявил:

– Вот пусть боярин сам за своими ворами и гоняется. Я подумаю, идти мне или не идти, только после еды! Мы с моим псом Горцем целый день не евши. Ваш пеммикан нам обоим в глотку не полез – уж не взыщите.

Я вздохнул.

– Пойдем, Матвей Путятрович. Мы с тобой люди опытные, привычные и к бою, и к походам, и к передрягам разным. Да и отнюдь не трусы оба. Пускай пан Яцек тут повалится, покушает хорошенько, отдохнет. Деревянной рыбкой поищем, которую нам в Киеве волхвы сделали. Обойдемся сегодня без помощи особо нежных и голодных шляхтичей. Да и боязно ему, поди, на Руси в чужие дела ввязываться.

Венцеслав от такого поворота событий просто опешил.

– Да я..., да если...

– Мы на ушкуях таких не терпим, – добавил масла в огонь бывший атаман ушкуйников, натягивая сапоги, – как появится такой, проявит себя – враз его за борт! Наши бойцы шутить не любят, – и начал пристегивать к поясу саблю.

Представитель царствующей польской династии вскочил с кровати, тряся мечом в ножнах, который держал в правой руке, и заорал:

– Матка Боска Ченстоховска! Я первым иду! Я всех найду! – И самое главное для него: – Я никогда трусом не был! Вы увидите!

– Хорошо, – поморщился я, – кричать только не надо. Дело тайное. Узнает о вашем выходе боярыня, многое может перемениться. Тайком, тишком, сейчас прокрадетесь на конюшню. Собаки пойдут с вами, погуляют и помогут, чем смогут.

Поймать надо Елисея, бывшего боярского тиуна. Особо не бить, и доставить мне его живым. При нем должен быть мешок с чем-то и конь Коршун. Старшим идет Матвей. Приступайте.

Я вышел вместе с ними на двор.

– Марфа! Горец! – подозвали мы с Венцеславом своих красавцев, – рядом!

Те бросили возиться с боярскими собачонками и подлетели.

– Надо мне тоже такого волкодава заводить, – одобрил выучку собак Матвей. – Много времени займет такого умницу вырастить?

Поляк только хотел затеять кинологическую дискуссию, как я цыкнул на обоих:

– Потом о собаках! Пошли вора ловить!

Мы зашли на конюшню. Матвей крикнул:

– Эй, кто тут есть? Огня!

Нечесанный рябоватый конюх, лет тридцати, вывернувшийся из темноты, позевывая, зажег два факела, сунул их в руки ребятам.

– Елисей был? – начал дознание ушкуйник.

– А вы что за люди? – решил проверить коневод наши полномочия.

– Это Владимир, – разъяснил ему вылезший из другого угла наш Олег, – побратим вашего хозяина. А эти двое молодых при нем. Говори все без утайки, зря не спросят.

– Скажу, как перед вами самому боярину Богуславу сказал: Елисейка вывел Коршуна и ускакал.

– После него был кто-то? – продолжал расспрос Матвей.

– Да кажись нет...

– Никого не было, – уверенно подтвердила Таня, тоже вылезшая из сена. – Прибежал смазливенький красавчик с мешком и увел коня. Мы от наших лошадей еще не отходили, проглядеть никого не могли.

– А ускакать из города он, поди, не успел, – сделал неожиданный вывод бывший атаман ушкуйников.

– Что ж так? – поинтересовался Венцеслав.

– Мы, когда через городские ворота въезжали, два дружинника запорный брус уже волокли. После нас никто больше не выехал – створки уже сводить начали. У вас одни ворота в городе? – поинтересовался Матвей у конюха.

– Дык это, – почесывая небольшое пузцо, начал было неторопливо рассуждать конюх, – вы ж с Киева приехали?

– С Киева, с Киева, черт рябой, – гаркнула на мужика богатырша, – побыстрее рассказывай, а не то пришибу!

Не обратив никакого внимания на женские угрозы, коневод все так же почесывая живот, неторопливо продолжил:

– Стало быть, раз с Киева, вы вошли через Северные ворота...

Тут зашуршало сено, сверху вывалилась бойкая бабенка лет двадцати пяти, отвесила конюху неплохой пинок, откинувший его в сторону, а нам низкий поклон.

– Евсейка! Вечно ты так, баран безрогий! Ведь всю душу вынешь, пока дело скажешь! – затараторила она. – Вторые ворота, Южные, гораздо раньше запирают, с той стороны вечно половцы прут. Не выскочить тиуну сегодня из Каменного города, где-то близко этот аспид прячется.

– А где это – Каменный город? – поинтересовался я.

– Так обнесенный каменной стеной Детинец нашего Переславля-Русского зовут. В нем князь, бояре, богатейшие купцы, дружинники с семьями, высшее духовенство проживает.

А то, что за стенами, это три посада. Там народ попроще живет: не сильно богатые купчики, ремесленники разные, лесорубы, корабелы, попы, дьячки и туча рвани всякой. Посады, если что, с врагом сами насмерть бьются, на княжью помощь больно-то не надеются. Всегда Змиевы Валы защищают. В Поле они не суются – слабоваты пешие и с плохоньким вооружением против конных половцев, а сверху, как лучшие княжеские дружинники врагов лупят.

Так что эта тиунская сволочуга где-то тут близко затаилась. Как только его искать?

– Вот и помоги, – ласково улыбаясь обаятельнейшей ушкуйной улыбкой предложил Матвей. – От Евсея что-то мало проку. Ты кто ж такая писаная красавица и умница будешь?

Девушка зарделась, как маков цвет, – от побитого конюха, почесывающего теперь ушибленную задницу, таких комплиментов видать было не дожидаться.

– Маняша я, – прикрываясь от общей стеснительности рукавом, открылась красавица и умница, – девица свободная, пока незамужняя. От этого придурка предложения никак не дождусь!

После такой речи девушка от всей души отвесила Евсейке еще один сильный подзатыльник.

– Из теремных девок я, не сенная какая-нибудь, которую дальше сеней в дом и не пускают – запачкает все, что можно. Этот Елисей и нам не платит, а сейчас, как о приезде боярина прознал, враз тягу дал. Да еще, сукин сын, мешок какой-то тяжеленный уволок.

– Почему тяжеленный? Ты его поднимала что ль?

– Тиун мешок еле принес, его от веса аж покачивало. А на Коршуна что б закинуть, Евсея позвал. Вдвоем подымали, подымали, аж обкряхтелись, да еще кто-то из них под шумок воздух испортил, – тут она показала пальцем на конюха – не знаю кто, но догадываюсь.

Евсейка аж бросил почесывать пострадавшие места и бурно покраснел – видимо девичья догадка его оскорбила. С несвойственной ему скоростью мышления конюх начал отбредиваться:

– Это от тиуна какая-то вонь идет, чем-то звериным воняет!

Мы с Матвеем переглянулись – проблема чистоты воздуха не взволновала ни потасканное дитя каменных джунглей будущего, где он кроме вредоносных смол и всяческих альдегидов ничего в своей долгой жизни и не нюхал, ни убийцу-профессионала 11 века, пожизненно передвигающегося в особо чистой, но от конского навоза периодически заванивающей среде.

Разгадка содержимого мешка нас озарила одновременно. Серебро, оно конечно, не свинец, но тоже металл тяжелый, особенно ежели его мешками утаскивать! – было написано на наших возмущенных лицах.

Венцеслав в это время метался по конюшне вместе с собаками, пытаясь взять хоть какой-нибудь след. Ничего не получалось ни у волкодавов, ни у представителя династии Мешко – слишком мало данных. Ну хоть бы кусочек от Елисеевой портянки найти!

Вдруг Горец встал в дальнем от нас углу и что-то пролаял. Я собачье-польский понимаю плоховато, не знаток. А Венцеслав остановился и как-то напрягся. Сразу и Марфа взялась принюхиваться к какому-то пустому стойлу.

– Яцек, чего там? – поставленным командным голосом рявкнул Матвей.

– Сильный запах смальца собаки учуяли! – отозвался на свой псевдоним Венцеслав.

– Чей смалец?

– Свиной! Очень уж резко пахнет, даже я чую!

– Маняш, а кто у вас свиным смальцем сапоги мажет?

– Так Елисей и мажет. Как последнюю свинью зарезали, так он весь смалец с кухни и упер, поварам ничего не оставил. Для вкуса в борщ добавить нечего!

Они уж много раз к боярыне бегали жаловались, Капитолина улыбнется ласково, – я мол репу, а воз и ныне там. Ничего любовнику поперек не скажет. А он и рад стараться – уж все столовое серебро из дому упер, даже детское.

Сейчас к богатым окладам на иконах приглядываться начал, а тут вдруг боярин налетел, всю ему сладкую жизнь порушил! Серебряных подсвечников в доме почти не осталось...

– Совсем уж, Маня, не осталось – упер паразит все! – добавил неслышно подошедший Богуслав. – Имущества у меня больше нету, жены, считай лишился, осталось только на паперти милостыню просить!

– Не горюй, боярин! – голосом Пелагеи сказала ему Таня, – сейчас всех уважим! Ты не стой тут без дела, – обернулась она к Олегу, – пробегись вместе с собачками. У тебя нюх поострее, чем у них будет. Вдруг Елисей где разуется, они по другому запаху его и не учуют.

– А моя одежда?

– Викинга возьми, он повыносливее других коней будет. Донесет твою одежонку, – посоветовал я. – Ахалтекинец из ахалтекинцев! Марфуша, мне сейчас некогда, пробегись с Матвеем.

– Гав! Сделаю!

– Матвей, на коней не влезайте, – наши сильно усталые, местные от голода уже шатаются. Сами добежите, быстрее выйдет.

Слав, непусти Маняшу, пошли все вместе поговорим. Кстати, Маня, у тебя как полное имя?

– Мария я.

– Смотри, Мария, прятаться не смей! Дело – не шутейное!

Евсей, вожжи есть?

– Как не быть!

– Быстро тащи, пентюх! – рыкнул боярин. – Пороть что ль кого будем? – недоуменно поинтересовался он у меня.

– Собак на поводки пусть молодцы возьмут. А то сейчас овчарки увлекутся, рванут по холодку, гоняйся еще и за ними.

Матвей с Венцеславом быстренько привязали вожжи к ошейникам собак.

– Марфа твоя очень толкова. Я вошел, она как раз Коршуна стойло нюхала, – похвалил среднеазиатку Богуслав.

– А мой подгальянский сторожевик первый смекнул, какой след надо брать! – ревниво отозвался шляхтич.

– На выход давайте! – оборвал восхваления разных пород лучших друзей человека я, – след простынет, пока тут болтаем!

Боярин проводил нашу пастушеско-ушкуйно-королевскую опергруппу, усиленную волкодлаком за ворота, а потом отвел Машу, Татьяну, а точнее Большую Старшую ведьм Киева Пелагею в теле богатырки и меня, в собственном, слава Богу, теле, в свой кабинет.

Мария пыталась ввиду низости чина остаться стоять перед нами, но Пелагея ее ткнула в грудь ладонью и усадила.

– Посиди с нами, в ногах правды нет. Впереди еще длинная и трудная ночь, неизвестно что еще делать придется – объяснила мертвая ведьма девахе. – Говори, что тут боярыня без мужа сотворила.

– Потом меня уволят? – пискнула Маняша. – Опять на Посаде нищенствовать придется?

– Ты сколько сейчас получаешь? – вступила в дело латная кавалерия в моем лице. – Да не ври тут нам! Враз все трое увидим и башку свернем!

– Два рубля..., – сразу призналась девица, – и кормят еще.

– А с сегодняшней ночи станешь получать пять, и будешь старшей над всей домашней прислугой.

Маша попыталась прямо сидя начать целовать мне руки.

– Да я..., да что хотите скажу...

– Не надо тут ничего целовать, ... твою мать! Сиди смирно, нехорошая с ушами! – заругался я. – Нам нужна от тебя только правда, и ничего кроме правды! Никаких выдумок, домыслов, слухов не пересказывай! Все потеряешь и пошла на Посад! Что ты сама видела запретного?

– Елисей вор, а Капа ему в этом потатчица! – затараторила Маняша, вскочив на ноги и размахивая руками для убедительности.

Мы переглянулись. Если дело только в воровстве, ничего нам это не дает.

– Ты, девка, не колготись, – взяла ведьма дело в свои опытные руки. – Нас интересует, кто-нибудь из вас видел, что боярыня с тиуном точно любовники? Никаких вранья не надо!

– А, вот чего надо-то, – протянула девка. – Это я сама видела! Тут вранья не надо.

– Сказывай! – прошипел злоющий боярин, – все говори, ничего не утаивай!

– Да я зашла как-то к боярыне чего-то спросить с утра, а они с Елисеем лежат голые и обнимаются! Задвижку, видать, закрыть позабыли. На иконе могу поклясться!

Мы все видели – не врет. Я Марии тут же выдал рубль. Она расцвела.

– Вот спасибочки, порадовали девушку! – почти пропела девица. – Чем еще могу помочь?

– У вас в городе кто главный в церкви?

– Епископ Ефрем.

– Грек?

– Он русский, из обедневшего боярского рода. Десять лет все хозяйственные дела у Великого князя Изяслава Ярославича вел, любимцем княжеским был. Но надоела ему наша серая жизнь, решил монахом стать. Принял постриг, оскотился и уехал в Константинополь.

– А зачем было евнухом делаться?

– Чтоб паскудные мысли о женках служить Царю Небесному не мешали. И он бы в Византии до сих пор жил, но организовалась Переславльская епархия, и послать епископом кроме него было некого.

Двадцать лет уж он у нас. Понастроил тучу всего! Кафедральный собор имени святого Михаила поставил, церкви святых Федора и Андрея, всяких строений церковных: и Епископский Дворец, и две бани-крестильни для взрослых – все из камня поднял. Три даровых больницы-лечебницы сделал. Сам целитель от Бога, – святой человек!

Обнес Детинец каменными стенами. Мастеров-каменщиков от него артель целая ходит, другая плинфу обжигает, церковную утварь его люди делают и стекло сами льют. Большая часть в Киевскую Митрополию и по другим городам увозится, но и Переславль при нем Каменным городом стал.

Немеряно всего за эти годы настроено из камня – и боярам, и купцам мастера от митрополита Ефрема палаты поставили. Епархия у нас, видимо, богатейшая – все попы толстые ходят и с вот такими крестами серебряными!

– Ты ж говорила, что он епископ, а теперь вдруг митрополитом стал. Как так?

– Не знаю. Я девушка простая, хоть и набожная. Это тебе надо с кем-нибудь из священников поговорить. Только все так говорят – то так, то эдак.

– Старше его по церковному чину в городе никого нету?

– Даже и равных-то нету. Его все владыкой зовут.

– Пойдешь завтра с нами к владыке? Полезен будет рассказ твой о боярыне.

– Даже и не знаю...

– Десять рублей тут же выдам. Пойдешь?

– Побегу!

– Это хорошо. А нет ли еще такой глазастой девушки?

– Как не быть. Варвара с боярыней на Трубеж купать ее выезжала.

– И что?

– А тиун с ними увязался. Дескать, купальню подстучать кое-где надо, поплотничаю, как любил в своем поместье в прежние годы. Ящик с инструментом прихватил.

Еще двое дружинников с ними были для охраны. Ну, тех сразу за кусты подальше каравулить отставили, а Елисей вокруг купальни ходит, молоточком постукивает, да посвистывает весело эдак. Боярыня разделась до исподнего, а Варвару выставила из купальни – поди, дескать, дружинников проверь, хорошо ли бдят, не уснули ли часом.

Но Варька не дура, поняла, что не просто так отсылают, отошла в сторонку да в кустах и спряталась. И сама видела, как Елисей хозяйку из купальни выволок, загнул к лавке, рубашонку задрал и отпользовал ее сзади от всей души! Отплотничал, говорит Варька, от и до! А штука у него... – тут она взялась разводить руки для наилучшего показа.

Богуслав зарычал и унесся.

– А чегой-то он? – удивилась любительница эротических рассказов, – от чего убежал?

– От тебя скрылся. Ну ты, Манька и дура! – открыла глаза теремной девчухе Пелагея. – Кто же законному супругу рассказывает какие причиндалы у любовника его жены!

– Ой! – зажала рот руками Маняшка.

– Потом ойкать будешь! – внес свою лепту и я. – Быстро волоки сюда Варвару!

– Да она спит уж поди...

– Пинком подыми! Боярин, мол, зовет.

– Он же убег!

– А я-то остался! Другого только боярского рода. Тащи девку!

Варвара оказалась меленькой ростиком, очень худенькой и совершенно бесцветной. Ни одной яркой черты ни в лице, ни в фигуре. Самое то для прятаний в кустах и подглядываний из укромных мест за всякими необычными по размеру «штуками».

Ей быстренько поставили задачу выступить свидетельницей перед епископом по делу об адюльтере боярыни Вельяминовой с тиуном Елисеем. Варвара так хотела спать, что была на все согласна.

Я спросил у Маши:

– А у вас есть там девки и бабы, чтоб за боярыню горой стояли?

– Есть, как не быть. Им, троим паскудам, Капитолина и денжат время от времени подкидывает, а Авдотье, нашей старшей, пару раз и платья свои не очень поношенные подарила.

– Вот всех их разом завтра-послезавтра и уволишь.

– Да ведь боярыня их любит! Никого из этих тварюг пальцем тронуть не даст!

– У епископа, если все правильно скажешь, судьба боярыни тоже решится. Либо постриг примет, в Христовы невесты пойдет, либо разведется с нею боярин и отправится она куда хочет, подымая пыль с тремя верными подруженьками.

– Так разводиться ж нельзя!

– Я другу купцу помог – развели его с неверной женой в Новгороде, и здесь какую-нибудь лазейку сыщем!

– А что сказать надо?

– Просто рассказать, как боярыня с тиуном лежат голые обнявшись.

– И все?

– Машка! Еще какую-нибудь глупость спросишь по десятому разу, избыю, как собаку! – заорала утомленная бойкостью ума девушки Пелагея.

– Так я пойду? – понурилась девица.

– Нет! – рявкнули мы с ведьмой в два голоса. – Обе здесь спать будете!

Под такую желанную команду Варвара уронила голову и пустила слюнку.

Немного ее освежил ведьмин подзатыльник с напутствием на ночь:

– Идите вон на диван обе дрыхнуть! Не дай Бог намажетесь белилами какими или румянами, насурьмянитесь с утра – пришибу обеих дур!

Нахальноватая Мария все-таки спросила:

– Может я к себе все-таки пойду? Тут с Варькой тесно будет – костями ее исколешься...

Пока ведьма накапливала злобу, я быстренько объяснил любительнице конюшен:

– Маняша! Тебя могут отловить те бабы, что боярыню лижут. Ты враз все и разболтаешь о нашем с тобой разговоре. Потом они тебя мордовать всю ночь будут! И в конце концов забудут так, что ты от всех своих речей откажешься. Могут просто запугать, могут соблазнить чем-нибудь, а как только мы уедем, тебя боярыня сразу же выкинет на Посад.

– Ой! А что же делать?

Мы с Пелагеей дружно вздохнули.

– Усни пока тут, дочка, – ласково сказал я, – тебя будут караулить всю ночь.

– А вот...

– Ложись лучше молча, а то мы тебя сами, без всяких врагов, насмерть забьем! – опять не выдержала мирного тона Большая Старшая. И завизжала с переходом на ультразвук:

– Убыю дурищу!

В этот самый момент грохнулась с табуретки опять заснувшая Варваречка. Я не выдержал этого спектакля и расхохотался.

Проснувшись от удара Варвара молча озидала из положения лежа наш древнерусский театр абсурда, хлопая бесцветными ресницами.

– Нет больше моих сил с этими двумя дурищами толковать! Пойду последнему дворнику отдамся! Как я сейчас боярыню понимаю..., – с этими словами Пелагея, пользуясь богатырской силой Тани, ухватила Варвару за шиворот одной рукой, легко протащила по комнате и закинула как кутенка на кушетку.

Оттуда прошипела Мане:

– Чего ждешь? Тебя не донесу, по дороге запиная!

– Ой! – привычно пискнула важная свидетельница. – Уже иду!

Добежала до топчана и устроилась рядом с костисто-колючей, и почему-то вдруг громко храпевшей подругой.

– Какого черта еще эта худоба взялась храпеть? – тоже недоумевала Пелагея. – Толстые так обычно храпят! Пошли из этой храпельни, а то сейчас и вторая со всей дури поддаст!

– Их же караулить надо..., – робко запротестовал я.

– Давай я их обеих быстренько поубиваю, потом Капку жизни лишу, и тоже спокойно вздремнем? А?

Меня избавили от принятия недостойного, но такого заманчивого решения Богуслав с Лазарем и еще двумя дружинниками.

– Не поймали этого гада мои бойцы! Ни из Северных ворот, ни из Южных, никто похожий не выезжал. Залег где-то здесь в Переславле. А город не маленький, где его тут разыщешь! Вся надежда на ищеек-собак.

– Не кручинься! Наши походные поисковики найдут. Сейчас давай более срочные дела перделаем. Охрану нужно возле этих двух девиц поставить. И чтоб никаких баб к ним, включая боярыню и других теремных девок, ни под каким видом не пускать, чтобы они тут не врали, пытались пробиться к охраняемым!

Богуслав дал команду, Лазарь тут же взялся распоряжаться.

По ходу воевода приказал командиру дружины слушаться любых моих приказов, какими бы странными и необычными они не казались. С ним не согласовывать, сразу исполнять!

– Мы пока поедим сходим, – сообщил я. – Готова еда-то?

– Там не еда, а слезы. По пол курицы на двоих получилось. Хлеба и того нету! Сухари из наших мешков все уж выгребли. Ничего, утром базар заработает, отожремся. Таня, для вас с Олегом там в углу столик, сама найдешь. Еды, правда, тоже негусто. В общем, чем богат, тем и рад.

Мы с Пелагеей бойко зашагали к столовой. Не доходя до ее двери десяток шагов, женщина остановилась.

– Ладно. Мне пора прятаться в такое место, где ваш поп меня не учует. К епископу Танюшку ни под каким видом не води, – опасно. Скопец меня сразу пришибет, цацкаться не будет, а ее в монастырь упрячет.

Ты, Володь, над девками и боярыней не колдуй ни под каким видом – Ефрем это под любым мороком заметит, не спрячешь. Слыхала я о нем от знающих людей. Ведьму за версту узнает, в какую личину не рядись. Епископ в Переславле уж почти всех нас перевел.

Обмануть его невозможно в любом деле, поэтому ты правильно Машке с Варькой объясняешь насчет правды. И учти: ваш протоиерей силен, но против Ефрема он как медвежонок-подросток против матерого медведя. Тот же грозный зверь, но помоложе и послабее.

– Труба пониже, и дым пожиже, – блеснул знанием народных выражений 20 века я.

– Именно. На всякий случай рисковать не буду, пусть и отец Николай светлым образом нашей богатырки полюбуется. Таня все помнит, что я делала, но особо задумываться над этим не будет. Если я не колдую, ей кажется, что это она сама тут куролесила.

Женщина встряхнулась, завертела головой.

– Ф-ф-фр..., так кушать охота, хозяин, будто три дня не ела! Надо было б и мне с волчком вместе пробежаться, не обидели бы его там.

– Не волнуйся. Матвей, если надо, всех врагов в одиночку пришибет. Да и Яцек умением биться хвалился – с детства обучали. Вряд ли уж там против них целая дружина встанет.

– Это да! Меня ушкуйник враз по полу в шутейном бою размазал! А я в драке пятерых стою!

Посмеиваясь, ворвались в боярскую едальню. Возле входа ворковали молодожены Ваня с Наиной. Эти-то не пропадут! Иван наголодался в скоморохах, привык на одной краюшке хлеба по три дня перебиваться, Ная путешественница известная, и на Черном море была и на Каспий плавала, а в 11 веке за этикие турпоходы впору было какие-нибудь Золотые Звезды Героини Руси присваивать. Она, если оголодает, всех неосторожно подсунувшихся ворон и прочую бесхозную живность переловит, неизвестно на чем зажарит и съест, по ходу накормив своего единственного Ванечку.

Вдобавок, они только утром простились с любимой матушкой Наины и доброй тещей Ивана Магдаленой. Наверняка славная женщина с избыточным весом насовала детям в дорогу какого-нибудь вкусного морковного цимеса с изюмом!

Танюха быстро сориентировалась и ушла в нужный угол, а я присел к священнику.

Хмурый протоиерей, сидя за отдельным столиком в самом центре зала, мрачно грыз небольшой сухарик. На лежащую перед ним половинку малюсенькой древнерусской захудалой курочки он старался внимания не обращать. Зато его немалая, но внезапно опавшая за день животиная урчала на все лады: хватай куренка скорее, дурень православный! Хватит тут в постника великого играть!

Николай, конечно, следил за всеми постами истово, и голодные суточные бдения не пропускал, но одно дело спокойно молиться в привычном храме под запах ладана вкушая постную пищу практически не уставшим, и совсем другое целый день трястись на быстрых лошадях без особой привычки к этому делу, да еще пересаживаться с весом в сто двадцать килограммов каждый час с коня на кобылу и обратно. А конский круп тебе по грудь! И залезть на лошадь без наработанных навыков удовольствие еще то. В общем, поп себя сейчас чувствовал работягой, такой смесью молотобойца и грузчика, которого после напряженного трудового дня посадили на постную пищу.

– Чего курочкой брезгуешь, святой отец? Нам сейчас силы ох как нужны, – рассуждал я, выворачивая крыло у птицы отнюдь не бройлерного происхождения, которой в 21 веке дали бы наименование «цыпленок очень диетический», – а до завтра ничего больше не обломится.

– Пост нынче, – неласково отозвался святой отец. – Вкушать скоромное грех!

– А как же послабления для воинов, Коля? Полуголодный, да на постной пище, много не навоюешь.

– Ты – воин. Иван – воин. Вся наша ватага из воинов. А я священнослужитель! – тут он поднял вверх для усиления эффекта среди туповатых прихожан в моем лице указательный палец правой руки, – и мое дело молиться за вас, ратников, а не жрать курей в три горла!

Логично, подумал я, доглядывая куриное крылышко, но не верно. Откроем религиозный диспут среди представителей православной конфессии.

– Сейчас пришло время мыслить по-иному, Николай. Со дня на день Главная Битва, решающая судьбы мира, Земли, всех православных, католиков, мусульман, иудеев, половцев, язычников. Эта Битва и есть последний Армагеддон, описанный в Библии, и ты на стороне Господа нашего, на единственно правильной стороне, пусть и попал не в компанию праведников. Ты не стал отсиживаться в уютном соборе, а решил стать нашим щитом против черного врага, укрепив и наполнив этот щит даденной тебе, и только тебе, Божественной силой. И после этого ты смеешь отказываться от звания ВОИНА, дарованного тебе Господом нашим Иисусом Христом? Ты же не хуже меня понимаешь, что все ваши посты и молитвы не нужны Богу.

Все это нужно самому человеку для здоровья его, и только его души и тела. А какое здоровье у разорванного на куски человека, лишенного даже земли для похорон? И понимая все это, ты своим неразумным служением прежним догмам и постулатам, в основном выдуманными церковными владыками, в сути своей простыми людьми на высоких должностях, пытаешься несвоевременным постом ослабить Главного Воина, его Божественную Силу? Ты чем думаешь, твое святейшество, каким местом? Этим или этим?! – теперь уже я, увлекшись, тыкал его своим указательным пальцем в разные места, как-то сразу переходя от его светлой головы гораздо ниже. Хам, что с меня взять!

– Прости, Вова... Это у меня от старческой глупости (в 50 лет!) и спеси поповской перед прихожанами...

– Ты на себя не наговаривай. Я побольше твоего прожил, а таких святых людей, как ты, раньше не встречал.

– Это я-то святой? – так искренне удивился Николай, что чуть не выронил куриную ногу, которую оголодавший организм уже пристраивал ко рту протоиерея, – ах да, с умирающим Богданом ты и поговорить толком не успел, епископа Ефрема не знаешь...

– Завтра познакомлюсь, узнаю, что он за человек, – озабоченно сообщил я.

– На что он тебе нужен? Митрополиту сто лет в обед, в поход его не утащишь, деньгу он не копит: лечит бесплатно, жалованье нуждающимся раздает. Зачем он тебе-то именно сейчас понадобился?

– Ты мне вначале скажи, почему Ефрема то епископом, то митрополитом называют?

– Это просто, – разрывая курицу белейшими зубами сообщил священник, – Ефрем – титулярный митрополит, только и всего, – и вгрызся в птицу от всей души.

Час от часу не легче! Я никогда и ничего не слышал про таких глав русской православной церкви. У меня были четкие понятия о церковной иерархии 11 века: из Константинополя на Русь присылают митрополита, он командует епископами в разных городах, те уже разбираются с нижестоящими попами, и все!

И тут вдруг: ты простой митрополит? А я аж титулярный! Ну ка подвинься! О значении слова титулярный я не знаю ничего, в памяти только вертятся какие-то титулярные советники то ли из Гоголя, то ли из пьес Островского.

Это обязательно надо выяснить до завтрашней сходимки! А то брякнешь чего-нибудь не то, съедят, просто сожрут провинциальные титулярщики! Вон как у простого протоиерея ловко с курой получается! Был бы титулярный, с костями бы, наверное, сглотнул.

– Слушай, Вов, – растерянно сказал Николай, показывая мне дочиста обглоданные куриные косточки, – грудку-то ведь, наверное, (конечно, только наверное!) – надо было поделить?

– Пустяки! – залихватски отмахнулся я, – сыт уже. Ты лучше про митрополита-епископа толком изложи, да будем взвар пить, остыл уж небось.

– Это можно, – согласился наш эксперт по церковным делам, пересаживаясь на стуле к столу боком и блаженно вытягивая умаявшиеся от прыжков за день ноги.

Спиной Николай откинулся на спинку стула, пальцы рук сплел на вновь ставшем тугим и молчаливым животике, весь как-то умаслился и начал свое повествование.

– Как умер Ярослав Мудрый, его сыновья поделили Русь между собой на три части и стали таким правящим триумвиратом – все вместе решали. Изяслав Ярославич сел князем Киевским, Святослав Черниговским, а Всеволод здешним – Переславским.

И показалось в ту пору князьям, что и церковную власть надо так же разделить, чтобы у каждого из них был свой митрополит. Сказано – сделано. Остался митрополит в Киеве, командующий всеми епископами Земли Русской, и два титулярных митрополита – Черниговский да Переславский, у которых никаких епископов в подчинении никогда не было, и командовал ими Киев, так же, как и всеми остальными.

Здесь на должность присел лет двадцать пять назад грек Леон, а после него из Константинополя прислали Ефрема. Леона я не знал, молод еще был, а с Ефремом встретился как-то в Киеве лет десять назад и завязалась между нами дружба. Встречаемся очень редко, зато постоянно переписываемся по голубиной почте.

– Подожди-ка, это что за почта такая?

– Ничего хитрого, обычное дело – привязываешь голубю к ноге или к хвостовым перьям письмецо и подкидываешь сизаря вверх. Летят они быстро. Если ястреб в полете не поймает, или куница ночью на ветке дерева не схватит, долетит почтарь от Великого Новгорода до Переяславля дня за три – четыре. У Ефрема здесь на Епископском Дворе за большой голубятней несколько толковых голубятников присматривают, и у нас у епископа Германа заведение не хуже – очень он любит митрополиту в Киев сообщения всякие отписывать. Но об этом потом.

Хотел завтра посетить Ефрема, поспорить: побил ли святой Николай Мирликийский отступника Ария на Вселенском Соборе или не побил? – здесь протоиерей хитро прищурился на меня, – ты вот как на сей предмет смотришь? Вопрос конечно сложный! Не вот тебе про разрушение храма Артемиды толковать! Про то каждый знает!

Господи, как было бы интересно поднять сейчас двух разоспавшихся теремных дурочек, порушить весь их храп, и рявкнуть в сонные рожи:

Машка! Варька! Отвечать быстро: порушил Николай Мирликийский храм Артемиды, или он в это время Ария лупцевал? – и очень хитро при этом прищуриться...

Наверняка ведь древнерусские скромницы хором ответят:

Боярин! Делай с нами чего хочешь, любую непристойность, хоть с обеими разом, только дай поспать!

Пришлось и мне выступить похоже.

– Святой отец, не слыхивал я про Николая Мирликийского ничего. На слишком большой срок удалено время, из которого я прибыл, от вашего 1095 года.

– Девятьсот с лишним лет, это, конечно, очень далеко от дней сегодняшних, спорить тут глупо. Но ведь и жизнь Николы Угодника, о котором мы сейчас толкуем, отделяет от нас восемьсот лет, а мы его почитаем и помним. Ефрем пишет о жизни и неустанной борьбе за веру Николая Чудотворца в своих богословских сочинениях так, будто это все было вчера. А вы позабыли...

Я сидел с приятными ощущениями человека, только что облитого помоями и, что самое обидное, за дело. Сколько раз себя одергивал и пытался втемяшить в эту тупую башку: разберись вначале в любом сомнительном или непонятном для тебя вопросе, прежде чем выносить скоропалительное решение, делать выводы с кондачка! И особенно – озвучивать свои глупости!

– Извини, святой отец, мысли другим заняты, сразу не разобрался кого именно из святых ты имел в виду. Очень уж их много к 21 веку стало. Мы, конечно, знаем и помним Николая Угодника, хотя чем именно он славен, я, как человек далекий от церкви, припомнить не могу. Будет время, как-нибудь поделишься знаниями с недостаточно грамотным в религиозных знаниях пришельцем из будущего.

– Конечно, конечно! Ты, как душа похода, чего-нибудь главного не упусти! Ты сейчас соль нашей Земли, и заменить тебя нечем. А знания, если захочешь, получишь как-нибудь на досуге.

Нас народу идет немало. Вот пусть каждый и следит за тем, в чем он мастер, чем подолгу был занят в этой жизни. Не охватить тебе всего этого в считанные дни, не освоить. Твое дело – вести нас вперед! И точка.

Мое – это молитвы и благословения, просьба, обращенная к Господу о помощи – я все-таки протоиерей, а не просто верующий или дьячок малограмотный.

Богуслав пожизненно воевода. Вот пусть и следит за состоянием нашего воинства – его одеждой, вооружением, подготовкой к сражению, расстановкой сил, вырабатывает план битвы. Орать и размахивать руками, бряцать оружием это каждый может, а грамотный и умелый воевода у нас один.

Кого-нибудь зарубить или просто убить голыми руками, с этим лучше Матвея никто в нашей сборной ватаге не справится – он атаман ушкуйников.

Наина пусть чего сможет накудесничает, Ваня ножи умело бросит, Яцек может чего и сыщет. У оборотня сила, превосходящая такую у любого зверя, быстрота невиданная, громадные зубы. Богатырша Таня всегда пригодится – мало ли чего придется поднять и перенести.

Ты вот чего мне лучше скажи: а что католики, неужели позабыли своего Санта-Клауса? Забросили свой обычай дарить рождественские подарки?

Я до того ошалел, что аж закашлялся.

Санта-Клаус, как и наш Дедушка Мороз, ассоциировался у меня с детскими сказками, и какое отношение он мог иметь к реальному человеку, жившему хоть и очень давно, но жившему! Николай Мирликийский упоминается в летописях и церковных записях, но я никак не мог себе представить реальные записи об одном из идолов американского кинематографа с кучей оленей, эльфов, иногда и гномов в придачу.

Поэтому, откашлявшись, я спросил:

– А что, Николай Чудотворец Санта-Клаусу подарки выдает для раздачи детям?

– Замысловато мыслишь, – ласково улыбнулся священник. – Католики создали образ новогоднего святого, раздающего подарки в рождество, взяв из жития святого Николая историю о его помощи трем дочкам разорившегося богача. Ты эту историю, конечно, не слышал никогда. Рассказать сейчас или в другой раз?

На дворе залаяли собаки, радостно загалдели охранники. Наши вернулись!

– Все потом! Пошли ловцов встречать!

– Какого ж зверя вы на ночь глядя в полной темноте ловите? – поинтересовался по пути Николай.

– Страшного! Который тебя чуть голодным не оставил!

Мы вышли на двор. Матвей не позволял орде ратников бить спутанного вожжами понурого человека, лет пятидесяти, одетого довольно-таки богато. Бывший атаман уверенно покрывал на дружинников, рвущихся пообщаться с похитителем их жалованья:

– Не велено! Бить не велено! Расспрос еще будет вестись! – и отстранял особо рьяных рукой.

Викинга и здоровенного Коршуна с немалым мешком поперек седла уже завели через калитку с улицы. Занимался конями, конечно же, лошадиный фанат Олег, уже в человеческой ипостаси и одетый. Радостная Танюшка гладила по спине вернувшегося с победой любимого с таким усердием, что можно было подумать, что желанный оборотень отсутствовал лет пять.

Гордый поимкой татя, в которой они с Горцем были не последними героями, стоял подбоченясь Венцеслав, гордо подкручивая ус. Волкодавы тоже держали оборону Елисея от взбешенной публики, попугивая народ грозным рыком, прыжками с приседаниями и демонстрацией грозных клыков.

Ограбленные уже успели полюбить собачьих героев и весело перекликались между собой:

– Слышь, Губа, они его сейчас спросят, куда он нашу деньгу дел, а потом псами затравят!

– Зверюги эти его потом и сожрут прямо живо! Покаяния не будет!

Эти крики тиуна не ободряли, не внушали уверенности в счастливом завтрашнем дне. Вдобавок, кто-то все-таки успел приласкать задержанного, и на лбу любимца боярыни справа лиловел синяк изрядных размеров.

Послышалось знакомое рычание.

– Ну, хватит тут свою доблесть показывать! Идите спите, не мешайте дело делать! Завтра, может, распинать эту гниду будем, а вы устамши, наорались тут ночью.

– Воевода, может мы прямо сейчас пойдем крест вытесывать?

– Спать, кроме караульных, всем спать! Натешитесь еще завтра.

А мы повели тиуна в мрачные подвалы. Впрочем, ночью и поздней осенью, они другими и не бывают. Богуслав отсек всех лишних и особо любопытных, так что к месту страшной мести и жутких пыток довели Елисейку я, Матвей и сам Слава. Танечка внесла для осмотра тяжеленный мешок, брякнула его на какую-то станину и тут же убежала, буркнув на прощание:

– Не люблю я этих зверств всяких, прямо сердце не выносит!

Я с богатыршей был солидарен. Конечно, я десятками лет вынужден был причинять людям боль, но это было необходимо для их же пользы и не доставляло мне ни малейшего удовольствия. В бою я могу убить немало врагов и не расстроиться из-за этого, но пытаться человека за то, что он меня обокрал или сманил молоденькую красавицу-жену нипочем не буду. Запугать запугаю, это могу, а мучить не стану ни за какие коврижки.

Надо сказать, что любовь к зверствам должна гнездиться где-то в самой душе, в какой-то глубинной ее части, и к личной смелости она обычно отношения не имеет. Мне претит любая пытка, любые зверства, и участвовать в таких делах я не буду ни за что. Другое дело ушкуйник с воеводой – их этаким ухваткам родители и наставники с малых лет обучают. Таким только дай волю – с утра до ночи с проштрафившихся шкуры драть будут!

Матвей уже подцепил вора к каким-то ржавым цепям в стене и рассказывал Богуславу историю его поимки.

– Быстренько нашли какой-то справный домушко. Долбить в ворота не стали, а то и отсюда убежит, гаденыш. Перемахнул я через ворота, открыл калитку. Собаки по следу сразу в избу повели. Двор здоровенный, темнотища.

Высунулся было из собачьей конуры кабыздох какой-то погавкать, Горец его ухватил за холку, да как пошел об землю колотить, тот аж захрипел! А по размеру ведь чуть поменьше подгалянского сторожевика был.

Марфа вдруг куда-то назад бросилась. Не залаяла, не зарычала. Напугалась, думаю, может чего? А там уж тоже кто-то хрипит. Ну я с факелом скорей туда! Марфуша на задние лапы встала, какого-то здоровенного мужика к поленнице прижала и за горло уже зубищами ухватила. У ног здоровяка палица валяется. Это, видно, караульщик бежал – нас приструнить.

Я руки этого бойца Марфиными вожжами стянул наскоро, они на ее ошейнике ушкуйным узлом были мной затянуты – отвязались легко, Яцек уже в дом с Горцем унеслись, песик хозяйский в будку забился и больше с нами не связывался.

Славно, думаю, все идет, прямо как по маслу! Ан тут из дома понурый поляк выходит, сапоги вонючие тащит, за ним пес плетется. Убег, говорит Яцек, этот вороватый паразит, шмыгнул морда куда-то. Они с Горцем вынюхать оба ничего не могут.

Сбегала Марфа – тоже самое. А Олег уж в человека перекинулся, приделся, из конюшни Коршуна выводит.

Говорю ему:

Олег, без твоей звериной хватки не поймал бы вражину хитрого, оборачивайся опять в волкодлака, потом с конями позанимаешься.

Сказано – сделано. Побегал он тоже туда-сюда, понюхал – аж в сапоги нос посовал, да и провыл что-то. Горец на польский, видать, хозяину перевыл, Яцек нашел лестницу, и мы по ней всей ордой на чердак через слуховое окно полезли. Собаки даже залезли! Ох и волкодавы!

Ну а там враз все и сладилось. Волк за портки из-под кучи какой-то рухляди тиуна выволок, Марфа его за горло привычно ухватила, Горец руку зубищами гаденышу прижал, чтобы за кинжал на поясе не хватался. Поймали мразоту!

– А кто ему по лбу-то дал? Кто-то из моих дружинников постарался? – спросил Богуслав.

– Это Яцек его со двора выталкивать начал, а этот гордец его в ответ пнул. Тут как взыграло в шляхтиче ретивое! Враз в глаз сунул! Только и ворек этот не лыком шит – попытался увернуться. Вот на лбу теперь синим подарком и блещет.

– А ты не бил?

– Если бы я бил, поинтереснее бы ему купол расписал, покрасивше. Разукрасил бы как пасхальное яичко. У поляка большого навыка ведь еще нету, помахал с дядькой-наставником деревянным мечом, да и на боковую. А я годами на ушкуе плавал – наловчился. Вдобавок приказ был – не бить, не калечить, доставить живьем.

Богуслав взял в руки факел со стены, поднес свет к лицу пленника.

– Где-то я, вроде, видал твою противную рожу и раньше...

– Как не видется! Вместе на Стрижене с половцами дрались пятнадцать лет назад. Ты тогда еще воеводой Передового полка был, а я у тебя третьей сотней командовал.

– Елисей! Это ж ты!

– Я, воевода, я.

– Ты ж мне тогда жизнь спас! Тебя после боя от этой речушки помирать повезли!

– А я, видишь, по ошибке выжил. Четырнадцать лет от ран отходил в своем поместье, потом поехал к тебе на службу проситься, обнищал совсем. Мы ведь бояре-то захудалые, я последний из Вельдичей остался. На мне наш род и кончится.

Да ты, как нарочно, в Новгород уехал. А Капитолине новый тиун нужен был, оставленный тобой скоропостижно помер. Вот и стал я при ней приказчиком. И что же? Всю жизнь тебе порушил, жену отнял, обокрал кругом. Убивай теперь, чего уж там – больше бегать и прятаться не буду. Пора, стал быть, ответ держать.

Богуслав обнял растянутого цепями Елисея. Потом смахнул навернувшуюся слезу и глухим голосом сказал:

– Не волнуйся, друже. Пока я жив, никто тебя здесь не тронет. Матвей, помоги человека от цепей избавить.

Освобожденный тиун потряс кистями рук и без сил сполз по стене на пол без сознания. Мы бросили на пол какую-то драную телогреечку и переложили бывшего воина на нее.

– Может я пойду? – спросил разочарованный Матюха. – Делать мне тут больше вроде нечего...

– Иди отдыхай, дальше сами справимся. Не забудь поесть, куренок уж там залежался поди, – отпустил я побратима.

Минут через пять Елисей пришел в себя, присел.

– Все равно тебе меня кончать надо, – продолжил он свои самоубийственные речи. – Не смогу я Капу оставить, люблю ее больше жизни. Тебе это трудно понять, ты жесткосерден, никогда особо ни ее, ни деток ваших не любил.

Слава криво усмехнулся, а любовник жены продолжил.

– Развод ты ей нипочем не дашь, да и епископ Ефрем никого и никогда не разводит. Пробурчит чего-нибудь из византийских законов, процитирует какой-нибудь Измарагд или Новоканон, и провожает тебя с твоими блудливыми идеями в три шеи. И просто так ты нам жить не позволишь – обоих вырежешь. А у нее дети...

А у меня хорошо – ни детей, ни плетей, родственников тоже нету. Взыска за меня не будет никакого – некому иски чинить!

Утомленный, он опять откинулся на телогрейку, голос его постепенно угасал.

– Убьешь... потихоньку, вроде опять... убег, и Бог с ним...

– Убили! Замордовали каты Вельяминовские! – ворвалась к нам невысокая полноватая женщина, – всю жизнь мою загубил, убивец старый!

– Можно подумать Елисей больно молодой, – с горечью отозвался Богуслав.

– Он добрый был! А ты зверь зверем! Нипочем развод не дашь, на волю не отпустишь!

– Завтра и пойдете вместе на волю вольную.

Супруга расценила такой ответ как обещание могилы для обоих любовников. Она схватилась обеими руками за высокую грудь и прошептала:

– Зверь, зверь... Детушек хоть живыми выпусти, пусть мальчишечки солнышку еще немного порадуются...

– Дура! Он жив живехонек! Никто его из моих людей пальцем не тронул!

– Я все вижу-у-у..., – зарыдала боярыня, – вы его прямо в лоб пина-а-алии...

– Капа, я жив. А лбом об лестницу ударился в темноте, – строго пресек ее печальные выдумки своими успокаивающими выдумками Елисей.

Женщина упала возле него на колени, стала целовать слегка побитое, но такое родное лицо.

– Любый мой! Пусть что хотят делают, а я до доски гробовой с тобой буду!

– Капитолина, развод получать с утра со мной пойдешь к митрополиту? – вторгся в их беседу рогоносец.

– Ой! – обхватила щеки ладонями русская красавица, – родственники осудят!

– Мне на твоих нищих да горластых родственников наплевать! Не хотите, как хотите! Выгоню и ни копейки с собой не дам! Хоть на паперти на пару стойте!

– Воевода, ты не горячи кровь зря, – опять присел молодой жених. – Бабочке время нужно подумать, посоветоваться кое с кем...

– Идите, и хоть со всем городом пересовещуйтесь, – обиженно буркнул Богуслав. – Времени вам до обеда. После этого – на все четыре стороны и без денег! А так половина доходов со всего хозяйства боярыне на жизнь и на детей будет уходить. Дети вырастут до 16 лет, уйдут ко мне жить, Капитолине дальше четверть. Пока ночь, идите думать в ее опочивальню. Все!

И боярин унесся.

Пора и мне в свою опочивальню – организм настойчиво требовал свое.

– Вам помочь дойти? – потягиваясь всем телом перед очередным, хоть маленьким, но походом, спросил я разрушителей законного брака.

– Желательно, – скрипнул зубами Елисей.

И мы побрели по ночному холодку, прихватив с собой факел.

– Он завтра пожалеет меня и деточек бросать! – строила розовые иллюзии законная жена. – И денег даст сколько угодно!

Висящий на мне бывший тиун с интересом следил за моей реакцией. Поможем принять верное решение!

– Думайте как хотите, и сколько хотите, – позевывая, внес свою лепту в обсуждение я, – только если завтра это не решится, Богуслав имение передает в управление Владимиру Мономаху, а сам надолго уходит. А от Мономаха вам точно ни гроша не дожидаться.

– А надолго, это как? – пискнула Капа.

– Навсегда. Князь ему деньги будет в Новгород пересылать. А за порядком следить своих людей назначит.

– Это не богоугодно будет! – стала негодовать Капитолина.

– А по купальням на глазах у служанок исподнее перед тиуном задираТЬ и шалить там, радуясь большим штукам, это как? Признак святости? Сгибаешься к лавке, и думаешь: богоугодно это или не богоугодно?

– Да это брехня, – вяло отмахнулся Елисей.

– Только две теремные девки, которые сейчас под крепкой охраной спят, думают иначе.

– А мы скажем...

– А мне сказали, что митрополит Ефрем неправду сразу видит. После обеда все идем к нему.

– Я..., я не могу! – стала горячиться боярыня. – У меня дети! Они... нездоровы! Вот!

– А епископ здоров. И целитель, говорят, отменный. А после того, как посмотрит он ребятишек, как бы тебе, боярынька, в монастырь после пострига не загреметь!

– Я же боярыня! Мы из исконных Нездиничей!

– И княгини бывает свой век в монастырской светелке коротают. И ох долго бывает коротают!

– Кто же девок караулит? Пришедшие с тобой случайные людишки? – лениво поинтересовался Елисей.

– А вот и нет. Охотно взялись за это дело обобранные вором-тиуном боярские дружинники. Этих не подкупишь и не обманешь. Не отходят даже по нужде – каждые три часа меняются.

Висящий на мне до того ослабленный давними ранами и шишкой на лбу бывший вояка внезапно приободрился, перестал виснуть на чужом боярине и гордо удалился, подхватив Капитолину под руку.

Я услышал уже издалека.

– Твои Нездиничи, их много! Не побоятся в случае чего и Киевскому митрополиту нажаловаться! А он грек, в русские дела вникать не любит...

План воря был ясен – отказываться ото всех грехов и нагло не слезать с руководства богатым поместьем. Да и мы не лыком шиты! С этой мыслью я отправился на поиски Лазаря.

Столковались мы махом. Богуслава решили в свои коварные планы пока не посвящать. Он чего-то путает кислое с пресным и не видит, что человек, бывший когда-то смелым бойцом, который мог за командира и жизнь отдать, выродился в вора, подонка и наглеца, который безжалостно грабит своих прежних товарищей – воеводу и дружинников. И цацкаться с поганцем-тиуном и его блудливой коровой-боярыней не время!

– Кстати, – припомнил Лазарь, – тебе же к епископу, наверное, идти тоже придется?

– Все может быть, – согласился я. – Это же я высылал Матвея с поляком на поиски. Могут захотеть узнать почему именно их, и нет ли здесь какого-нибудь колдовства.

– С этими-то все ясно, – согласился командир дружинников. – Собаки по следу довели, дело понятное. А нашел-то тиуна все-таки твой конюх Олег! Как изловчился, какой темной ворожкой при этом воспользовался? У Ефрема есть опасные способности – кроме того, что вранье он сразу от правды отличает, так еще если епископ спрашивает, солгать ему никто не в состоянии! Припрятать, может, пока вашу ватагу куда-нибудь? Потаенное место найдем.

– Не знаю даже, как сделать лучше. Это мне надо с нашим протоиереем Николаем посоветоваться, он в этих делах поопытнее меня будет.

– Вот и давай советуйся. Если что неладное грозит, найди меня рано поутру – махом кого надо подальше пристроим. И лучше тебе про дружинные забавы с Елисеем тоже ничего не знать – как дело не повернись, с тебя взятки гладки. Ничего не знаю, ни о чем, мол, и не ведаю!

На том и порешили.

– И ничего странного и необычного! – вспомнив распоряжение Богуслава насчет моих приказов, улыбнулся Лазарь.

– Лишь бы дружинники были довольны! – усмехнулся и я.

– Они довольны. Они очень будут довольны! Давно ждем таких приказов!

А я пошел спать. Но перед этим надо было посоветоваться со священником. Уложиться я планировал быстро, но не тут-то было. Сначала пришлось изложить протоиерею всю историю с тиуном и женой Богуслава. Николай согласился с необходимостью в данном случае развода, или распуста, как его называли священнослужители. Видимо от распуста и пошли потом слова распутство и распущенность

– Правда, решать быть ли распусту или нет, будет епископ Ефрем. А он уж очень падок на все византийское. Как возьмется цитировать Эклогу Льва Исавра или Прохирон Василия

Македонянина, так прямо хоть всех святых выноси! У нас же из русских уложений по этому поводу, кроме Церковного Устава Владимира Святославовича, ничего и не сыщешь.

– Это который Владимир? – запутавшись в многочисленных русских князьях спросил я.

– Тот самый, равноапостольный святой и креститель Руси.

– А что значит равноапостольный?

– Обратил, значит, в христианскую веру такое количество язычников, словно он один из апостолов – ближайших учеников и сподвижников Иисуса Христа, первых устроителей Его веры. Ты должен знать часть из них хотя бы по написанным ими евангелиям: Матфей, Марк, Лука, Иоанн.

– И Иуда тоже?

– Обязательно. Он был самым любимым учеником Христа. А потом предал своего учителя, раскаялся и повесился.

– А почему церковь прячет от нас Евангелие от Иуды?

– Нет такого Евангелия, сын мой, – очень веско и уверенно сообщил мне протоиерей.

– Да я видел текст! Правда, поленился читать...

– Ленись и дальше. Мы, служители церкви, считаем все эти измышления делом сатанинских сил и зовем их – Апокрифы. То есть вроде писульки какие-то в наличии, и именуются как части Завета, но наши истинно знающие люди выявили их лживость и вредоносность.

Другое дело истинные Заветы и Евангелия. И ведь еще в Нагорной проповеди, которую излагает Марк в своем Евангелии, Христос говорит, что прелюбодеяние жены гораздо больший грех, чем развод. А Евангелие, – это тебе не Прохирон какой-нибудь! Прохироны рано или поздно уходят в забвение, перестают казаться важными, великие империи, вроде Византийской, разрушаются, сегодня властвуют одни князья и митрополиты, завтра другие, но учение Иисуса Христа о терпимости и всепрощении вечно!

Поговорить мне нужно с Ефремом завтра с утра насчет распуста, поляка-поисковика и оборотня, может и удастся столкнуться со святым человеком, найдем какое-нибудь разумное решение.

– Да он ведь скопец! Измыслит чего-нибудь несусветное!

– И у меня давно женщины не было, и что теперь? Записывать и меня в недочеловеки?

– Считаешь излишней трату времени на этих заманчивых по виду кобыл с порочными душами, полных неразумных мыслей? У вас же в Житиях Святых от мужчин не протолкнуться, родится мальчик – десять имен на выбор, а на девочек Святцы будто и не рассчитаны! Нету женщин святых, и хоть тресни! Тяни после рождения девочки с крещением пару недель к ближайшей! Поэтому у девчонок языческих имен и полно.

– Не надо так отзываться о женщинах, сын мой! Женщина – она нам всем Мать! Святость женщин часто превосходит мужские порывы. Кто больше всех ангелов и архангелов радеет за дела человеческие? Богоматерь!

А неразумные мужчины все невесть чем кичатся, обзывают радетельниц человеческих овцами, коровами, кобылами, телками, подчеркивают какое-то свое мифическое превосходство. Если она овца глупая, а ты лезешь ее покрывать, кто ты после этого? Баран безмозглый?

А что женщин-святых маловато, это не из-за того, что они в вере слабы. Главное женское дело и предназначение не святость свою показывать, а новых людей рожать! Да и то сказать, слишком увлекутся бабы божественными идеями, и закончится на Земле род людской.

А что мы с Ефремом не увлекаемся общением с женщинами, это вовсе не из-за того, что он скопец, а я насчет постельных утех слабоват. Отнюдь нет, сын мой, отнюдь нет! Иной раз так меня потащит в ненужную сторону, что аж ахнешь! Бьешься из последних сил, чтобы это наваждение бесовское от себя отвести! А епископ – он святой, ему все эти испытания духа слишком сильно мешали, вот он и оскотился.

Под эти рассуждения чистого духом и не склонного потакать ненужным вожелениям человека, я, убежавшийся за день, бестолковый старый коняга и уснул. Хватит с меня! Я не воин, не святой, вот пусть дальше мастера этих средневековых дел как хотят, так и выкручиваются. Спокойной ночи!

Поспал я вволю. Рано утром кто-то возился, кряхтел, сопел, кто-то с кем-то переговаривался – мои сладкие сновидения это не нарушало. Я, как и в прежние поры, летел по трассе на «Жигулях» и радовался покупке нового автомобиля.

Потом трасса пошла какая-то неровная, меня стало сильно трясти, и я проснулся. Бодрствование меня огорчило не на шутку. Оказывается, меня за грудки трясла злая, как цепной пес боярыня, а какой-то обомшелый дедок сзади нее приговаривал:

– Вроде, не из тех он душегубов, матушка-боярыня. Не такая у него рожа зверская...

– Ты ж говорил, что они морды какими-то тряпками завязали! А он тут среди таких же главный!

– У тех глазищи уж больно сверкали! Как есть – смертоубивцы! А этот вяловатый какой-то, снулый... Может, муж твой чего знает?

– Чего он может знать, лапоть этакий! Сроду ничего не знал и не ведал! Да и его бы порастрясла, дух бы с него вышибла, да унесли куда-то черти Богуслава с самого утра!

Я присел, обвел комнату глазами. Николая тоже унесли добрые ангелы в неведомые дали. Ах да, он же хотел...

– Отдавай Елисея, гад смердячий! – нарушил степенный ход моих полусонных мыслей озлобленный женский крик. – Всю требуху из тебя вытрясу!

Это меняло дело. До своей требухи я жаден. Поэтому, озлившись, тоже повысил голос.

– На служанок своих теремных иди ори! Или на больных детках изгаляйся, а на меня не смей тут выезжаться! Я – новгородский боярин Мишинич! Наш род знатнейший и богатейший, родовые земли за трое суток на лихом коне не останавливаясь не объедешь, и, может быть, каким-нибудь местным бывшим нищенкам не ровня, и не чета!

Голос деда отметил:

– Вот теперь похож. Но не очень. Жидковат все-таки – те помордастее были, посправнее...

Капитолина убавила звук и уже ласковым голосом попросила:

– Отдал бы ты любовь моего! Последняя он радость моей жизни... Слава, он же неласков, не любит в этой жизни никого, кроме себя. Женились когда, только на знатность мою внимание и обращал – ему это в бабе главное, а вовсе не глазки, ручки да ножки. А женщине, да особенно в возрасте, внимание да ласка требуется, доброе слово... Отдай!

Эх боярыня, Богуслав в любви силен! Только любит почему-то не знатных русских дамочек, а замужних гречанок сомнительного происхождения или вовсе безродных француженок. Любовь зла, ей не прикажешь...

Но Капе я озвучил другую правду:

– Знать не знаю, ведать не ведаю, куда твой тиун делся! Он вор, его пути неисповедимы! Может на Змее Горыныче улетел грабить народ русский, а может, посвистывая, с Соловьем-Разбойником обнявшись, подался в глухие дебри проезжих поджидать? Ничего мне неизвестно! Получай сегодня развод и ступай ищи суженого своего!

– Нипочем не дам никакого развода! Привыкла к богатству за пятнадцать лет, и ничего не отдам!

– Отдашь, срамница похотливая, все отдашь. Как сегодня суд митрополита Переславского решит, так и будет, – разъяснил наглушке подошедший протоиерей. – От него сейчас иду. Сегодня после обеда Ефрем в твои дела развратные сам вникать будет.

– Да может Славка сам ни одной юбки не пропускал!

– Ни один Закон, ни наш, ни византийский, на неверность мужа внимания не обращает. Муж – хозяин в семье, с него за эти мелочи никто и ничего не взыщет.

А вот со срамных женок взыскивать можно по-разному! Решит тебя Богуслав жизни лишить, снесет прямо на епископском суде неверную башку острой сабелькой, заплатит большой штраф и все на этом!

Кстати, за ложное обвинение, возведенное на тебя, за хулу необоснованную, с него так же взыщется.

– Зря хулит! Перед самым митрополитом на святой Библии поклянусь!

– Митрополит Ефрем вранье от правды легко отличает, да вдобавок Владимир двух терменных девок, которые твое блудодейство воочию сами видали, под неусыпной охраной содержит. Решишь обманывать, сразу с детьми попрощайся – прямо с Епископского Двора в монастырь свезут!

– Я боярыня! За меня все Нездиничи сражаться придут! Что скажу, то и правда!

– Не губи, матушка, Елисея! Я его с малых лет взращивал, на руках тетешкал! – бахнул на колени старец. – Наплюй на деньги боярские! Убьют его зверюги эти, запытают! Сразу и его, и меня предупредили, что коли ты выступишь против развода, ждет хозяина моего смерть лютая и неминуемая! А где они с ним сейчас прячутся, никому неизвестно!

Тут дед подполз к боярыне прямо на коленках, обхватил ее ноги, прячущиеся под переливающейся атласной юбкой, и в голос зарыдал.

– И вот еще что, – добавил безжалостный к неверной боярыне протоиерей, – епископ велел Нездиничей на разбор больше четверых не приводить – ему там представление, как на базаре, ни к чему. Для Вельяминовых положение то же. У каждого из родов в эту четверку должен входить боец для Божьего суда – вдруг потребует. Свидетели, истец и ответчик к этим людям не относятся.

– На что нам тупые бойцы, – зашипела Капа, оттолкнув ногой ползающего в горести деда, – каждый из Нездиничей сам первейший воин, наводящий страх на врага! Нам лучше взять с собой религиозную старенькую праведницу из нашего рода! Враз епископу правду-то покажет!

– То-то страшные Нездиничи месяц назад с поля боя всей толпой убежали, бросив наш левый край! – прогудел от двери бесшумно подошедший Богуслав. – Я от Мономаха иду, он такими красками эту историю живописует! Не только щиты, но аж и мечи со шлемами покидали, чтоб ловчей убегать было!

– Это Переславскому митрополиту Ефрему все равно! – оборвал боярские речи святой отец, – он лицо духовное. Хотите старушку ведите, пусть она за вас на Божьем суде сражается, епископу до этого дела нет. Встречаемся на Епископском Дворе после обедни. Опоздал кто или не явился, дело все равно слушается, опоздавших не впускают, невзирая на любые оправдания. Суд обязательно состоится в указанное время!

– Ефрем боярам Вельяминовым благоволит! – попыталась загнусить достойная представительница рода Нездиничей.

– Правила для всех одни! – пресек лишний базар Богуслав. – Уже на всех площадях глашатаи объявляют обстоятельства дела. Ваше обычное вранье здесь не пройдет! К назначенному часу митрополита посетит сам князь Владимир Мономах с представителями от трех других боярских родов. С Ефремом уже все согласовано. Я тебе, Капка, теперь за ваши подлости с Елисеем, больше четверти даже и с детьми не дам. Дружинники мне все рассказали про ваши дела хорошие. А захочет епископ постричь тебя в монахини, препятствий чинить не стану!

Боярыня презрительно фыркнула и унеслась. Дед, цепляясь за ножку стола, кое-как поднялся с моей помощью и, причитая на ходу, поплелся за неверной Славиной супругой.

– Ладно, обскажу вам, как сложилась беседа с Ефремом на самом деле. Вначале я рассказал ему куда мы и зачем идем, – взялся излагать Николай. – Епископу эта угроза для Земли известна – было ему три дня назад Божественное видение.

Деньгами он сейчас помочь не может, с нами пойти тем более – слишком стар, недавно восемьдесят исполнилось. Попытается сделать, что сможет. Кто в команде идет: волхвы, кудесница, оборотень, поисковик, для него неважно. Главное – это наш мир спасти. Хотя ставит одно условие. При людях – никакого колдовства, особенно у епископа в тереме! Неведомо кто еще, кроме него это увидит, придется разбираться, бросив нас всех в монастырскую темницу.

Хотел в поход дружинников из епископской дружины дать, да я отказался – и так нас немало. Советует по Славутичу до Олешья не кружить, а сразу за порогами срезать к Крыму – быстрее на два-три дня получится.

Человеческой едой епископ нам набьет седельные сумки доверху, даст еще трех коней-тяжеловозов – везти ячмень, овес, дрожжи, отруби ржаные – корм для лошадей. Дальше места идут пустынные, никто там не селится из-за кочевников, не сеет и не жнет, провизию в тех местах не купишь.

Ефрем, он тамошними краями интересовался, византийскую карту имеет – книжник ведь известный! – протоиерей, шурша, взялся разворачивать на столе здоровенную трубку. – Пергамент старинный, лет сто ему самое малое – еще печенежские становища на нем указаны. Вот нам дал попользоваться, – и наш не менее ученый книжник начал прижимать углы какими-то невзрачными камнями. – Уж лет пятьдесят тому, как печенегов половцы извели и прогнали неведомо куда, а места тамошние не переменились. Ко всему этому есть и описание, что там и где, – махнул опытный читатель древних манускриптов другой пожелтевшей от времени трубкой.

– Ну-ка, ну-ка, – сразу заинтересовался я. – И что там где?

Надо сказать, что в мутных волнах Интернета по этому поводу разобрать что-то было нелегко. Задаешь, положим, конкретный вопрос, типа, путь от сих до сих, что там за места? Какая растительность, где вода, где еда? Обязательно укажешь, что данные нужны про 11 век.

Получишь сведений море! Совсем не о том, о чем нужно... Черноморские пансионаты, расход бензина, вооружение воина 14 века и тому подобное. Глядишь, вдруг Москва из какой-нибудь дыры полезла. Да нету в 11 веке еще такого города! Неизвестно даже, родился ли Юрий Долгорукий, ее основатель! Который, кстати, сын Владимира Мономаха и внук нашего боярина Богуслава. По датам все рукописи врут по-разному, и разброс немалый.

Где-то, может быть, есть и то, что надо, но где, и как это получить – загадка без разгадок. А тут само в руки прет! Сто лет в наших делах разброс плевым – коли тогда там один ковыль шелестел, вряд ли и сейчас на этой местности папайя с маракуйей бодро колосятся!

Втроем мы взялись разбираться в древней карте. Периодически Николай вычитывал нам, боярам, обоим не особенно ловким в чтении по-гречески, интересные места из второй рукописи, относящиеся к делу.

Напрямик, действительно, было короче. Еды нам с собой выдадут вволю. Но там была необъятная безводная степь без единой речушки. Колодцы, если они там и существовали, надо было или знать, или уметь искать. На край воду можно было бы и купить, но от порогов до Крыма, где этой водой торгуют прямо на входе в перешеек, было 350 верст. Людям сунул по паре фляг в руки, они и перетерпят, а вот интенсивно работающим лошадям вода ведь ведрами требуется. Бренчать по степи целым обозом с водой, – где же выигрыш во времени? В общем, думать надо.

– Кстати, – спросил я у Николая, – когда ты к епископу ходил, наша охрана при тебе была?

– Оба за мной приглядывали, и туда, и обратно. Прокричали тоже все, что было тобой велено. Правда я ведьмы не приметил. У Матвея спроси, может он чего увидел.

– А когда заканчивается сегодняшняя обедня? – поинтересовался слабосведущий в церковных делах я.

– В давние времена эта литургия заканчивалась с первыми лучами солнца, но у епископа Ефрема все по-византийски, по-новому. Заканчивается она здесь в обед, не позднее полдня, то есть в 12 часов дня, – растолковал мне священнослужитель. – Лучше нам выйти отсюда всем вместе, я в этих делах не ошибаюсь.

Я посмотрел на часы – доходило десять утра. Поспеем. Затем пошли завтракать, на этот раз долго наслаждаясь изобилием пищи. Потом протоиерей отправился вздремнуть после завтрака, а мы с Богуславом присели в боярской опочивальне, и теперь он изложил истинную беседу с Мономахом только для меня.

– Володя вытурил всех из тронной залы, дескать боярин Богуслав тайные сведения принес и нам соглядатаи не нужны. Наедине обнял меня и спросил не случилось ли чего, раз я так быстро назад воротился – он моего приезда раньше следующей осени и не ждал. Случилось, говорю сынок, еще как случилось! Матушка твоя объявилась! Вова не поверил. Да я сам, говорит, ее лежащую в гробу мертвую целовал! Пришлось ему всю историю с походом, антеками и Францией рассказывать. Спрашивает меня: может это морок какой? Дал ему золотой солид из антековского металла изготовленный пощупать. И это, интересуюсь у него, тоже морок?

Владимир тут же позвал златокузнца, которого при себе держит. Тот монету в руках повертел, понюхал, на зуб попробовал, и сказал, что более чистого золота в своей жизни не видал. А мастер наших с тобой лет, отнюдь не молод.

Володя истории моей поверил, стал сам рваться с дружиной во Францию идти, матушку выручать. Еле-еле его остановил. Навалятся там на тебя кучей, говорю, воинства иноземные, убьют единственного сыночка нашего! Останется нам одно – обоим в петлю с Анастасией лезть...

Тогда он стал кричать, что мы должны пожениться и при нем проживать. Объяснил сыночку, что мы то не против, но все дело эта срамная паскуда из Нездиничей клинит. Он вскипел, в монастырь бабу эту надо сдать, кричит, заставить постриг принять, покаяться тварь должна!

А я опять ему мягонько толкую, мол ни тебе, ни мне, ни братьям твоим сводным лишняя огласка и черная тень на род наш ни к чему. А вот если такое решение епископ, муж многоученный примет, с нас, вроде, и взятки гладки.

На том и договорились. На прощанье Владимир мне сообщил, что он и сам в этом деле поучаствует, и из родов Остафьевых, Завидичей и Михалчичей достойные бояре подойдут. Если такое боярского собрание сочтет решение митрополита Переславского обоснованным, весь пустобрех Нездиничей никакой силы иметь не будет, а митрополит Киевский обжалование может и не принять. Решили встретиться с Володей уже у епископа.

Тут и я решил вставить свое словечко о будущем семьи Вельяминовых при участии Мономаха, и изложил Богуславу мою идею об управлении княжеским приказчиком-тиуном поместьем в случае неблагоприятного церковного решения его дела.

Тут Слава усомнился.

– Осмелится ли князь на этакое невиданное вмешательство в боярские права?

– По сравнению с самоубийственным походом во Францию, это выглядит как безобиднейшая детская игра в лапту! Что плохого в том, чтобы по просьбе своего пожилого боярина, вынужденного уехать по княжеским делам и который не доверяет изменнице и воровке жене, приставить к управлению его имуществом своих людей?

– Нездиничи знаешь какой хай подымут!

– А ты знаешь, чего они этим шумом добьются?

– Чего же?

– Того, что их дочек-боярышень замуж перестанут брать. Приданое маленькое – род бедный, девки вороватые и слабы на передок! Только отъедешь куда-то по делу, враз жена какого-нибудь тиуна-конюха-сторожа в свою постель затащит!

Богуслав задумался, потом захохотал.

– Дело толкуешь! Если бы в ту пору, когда я к Капке свататься пошел, такая слава за Нездичичами тянулась, поглядел бы в ее глаза с поволокой, оценил руки лебединой красоты, которыми тогда прельстился и подумал: а глазенки то у боярышни распутные, да и ручонки, похоже, вороватые, и, схватив шапку в охапку, убежал бы куда подальше!

Глава 4

Тут к нам подошел Матвей с докладом о своей охранно-пропагандистской деятельности. Вначале их истории со священником совпадали. Ходить ходили, кричать кричали, явной слежки не было. Но потом начались разночтения...

– Поглядывал я во все стороны постоянно, – черт их этих ведьм знает, откуда у них принято к святым людям подкрадываться. До Епископского Двора дошли без приключений. Там Николай с часок пробыл, мы с Ваней на улице близенько вертелись.

На этом Дворе и Епископский Дворец, и Михайловский Собор, и церковь Святого Андрея, и малые какие-то храмы – все одним взглядом не охватишь. А так мы за Епископскими Воротами и улицей рядом в основном приглядывали.

С утра по церковным делам там немало народа бегают, но в основном мужики, женщины там в редкость, за все время шмыгнули только две монахини, да три бабы с кошелками туда-сюда пробежали.

Вот там то я к одной подруге и пригляделся. Невысокая деbeatая бабенка, в кике какой-то дурацкой – уж очень сильно рогатой, и сером платье. В руках ободранную торбочку вертит, чего-то на плечах у нее эта дрянь не увиселась, внутрь, во Двор, не идет. Роба невыразительная, румян и белил не видать, брови не насурьмлены. Неказистая кругом! Делает вид, что вроде по делу пришла, а сама даже и близко к воротам не подсовывается, от попов шарахается – как заметит сутану черную, аж на другую сторону улицы переходит.

Тут то я и смекнул, что это все та же Василиса на себя морок накинула, и протоиерея с какой-то новой подлостью поджидает. Но все-таки провериться решил, – вдруг это у меня ушкуйная недоверчивость играет, вроде как я на чужой земле нахожусь, и тетка лазутчик вражеский? А на самом деле она проповедника какого речистого поджидает, чтоб вызнать глупость какую-нибудь бабскую несусветную. И пока я на эту славную прихожанку глазею, Василиса уж с другого боку к протоиерею подкатится?

Поэтому как святой отец вышел, отошли мы немного от ворот, глянул – а тут по ходу еще церквушка стоит, тут же спросил попа: отче, а вот тот храм каменный или нет? Николай оживился, начал мне про какие-то нефы расписывать, Ванька с ним спорить ввязался – что прочнее, кирпич или плинфа, а я их под этот шумок вокруг церкви-то и обвел.

Смотрю, а бабешка за нами мало того, что как пришитая держится, так она как-то уже и поджиматься ближе начала. Да и в торбе рукой чего там усиленно шурует, к недобрым действиям изготавливается. Вязать мне ее не велено, а попа надо защищать.

Приотстал я от наших на пару шагов, чтобы никого не задеть, выхватил кинжал, начал играть с ним (ушкуйные игры с холодным оружием отпугнули даже и нас с Богуславом – обнаженный клинок перепархивал из руки в руку, вертась при этом как лопасти вентилятора при быстром режиме и мы отсели от бойца подальше) и голосить на всю улицу, как я протоиерея замечательно караюлю – с места, если что, как пардус охотничий на три сажени прыгну, любого подсунувшегося вражину заколю, будь то даже старик или женщина, никого жалеть не стану! На лишнее разбирательство время тратить не буду! Убью и все дела!

Ваня с протоиереем на меня обернулись разок, да пуще прежнего обжиг и закалку обсуждать взялись, а вот у толстухи то рожу перекосило, и она потихоньку от нас приотстала и шмыгнула в какой-то проулок. Сразу все стало ясно – это Василиса подкрадывалась!

– А чего это за кика рогатая? – забеспокоился я, усмотрев в необычном головном уборе возможный подход резервов к ведьме от дьявольских сил.

– Да замужние бабы носят! Девкам нельзя. А как первого нарожают, так кика у них рогатая делается. Иной раз такие рога наvertят, что аж башку к земле пригибает! От этого у нас и говорят – кичится, мол, баба – знать голову с тяжелой кикой вверх задирает.

А этой бабище рогатой с ее-то задницей и титищами, уж не первого, а пятого пора бы нарожать! А многие женки как иной раз привяжутся к какой-нибудь дряни, потом не отучишь. У нас даже поют в деревнях:

Замечательны рога
Я не скину никогда!
Буду есть одну мякину,
А рогов своих не кину!

Частушку Матвей не только спел приятным баритоном, а еще при этом и сплясал вприядку. Этакий ушкуйник-песельник, который, поди, на вражеские осажденные города страх наводит песнями вроде:

Все чужие города,
Нас запомнят навсегда!
Замечательну дубину
Вам на головы закину!

И долго потом нерусские мамы будут пугать там непослушных деток на ночь не екарными бабаями да люлюками неведомыми, а зловещим русским атаманом – не будешь спать – Матвея-ушкуйника позову, вот он тебе споет! – и в их народе приживется фраза, аналогичная нашей при показе всяческих разрушений: здесь, как Мамай прошел – инородцы будут говорить: здесь, как Матвей пропел!

А в наше время рога чем-то постыдным для мужчин стали, не дай Бог рогоносцем оказаться! А для женщин в 11 веке – почетный знак, заместо материнского капитала пожалованный. Вона как!

И вообще не вижу связи между появлением загадочных костяных наростов на мужском черепе с усиленной эксплуатацией половых органов его жены сразу несколькими пользователями. Вот так-то!

И нечего мне врать про всяческих немецких вояк, которым жены перед дальними походами выдавали рогатые шлемы, ловких византийских императорах, французских ходоках-королях, припутывая сюда мифического древнего грека-вуайериста! Византийцы с французами известные аморалы, их происхождения можно даже и не обсуждать, а вот остальные...

Грек вовсе женат не был, не вовремя просто подсунулся к обнаженной богине Артемиде, за это его и заоленили, наградив здоровенными рогами. При чем здесь супружеская измена?

А чтобы здравомыслящий и обстоятельный немец от молодой жены куда-то уперся, не заперев ее легкодоступное без мужа место на надежнейший немецкий замок, встроенный в суперкачественный и лучший в мире немецкий пояс верности, я просто не верю.

Придешь из длительного похода, а тут уже у супруги новые детки нарожались! Этот вылитый фон Генгебах, не пошедший в поход, этот копия фон Беннигсен, вернувшийся раньше всех из-за ранения, а девчушка косит точь-в-точь, как наш богобоязненный пастор Готт. О майн Готт!

А с пояском – кругом надежность! Все легкодоступные ранее места защищены замечательной сталью! Попилит-попилит какой-нибудь Мюллер-Мазох, да и плюнет, поняв всю без-

успешность своих попыток дорваться до бесплатного. А сам фон Цеппелин, видя, что здесь он столкнулся с немецкой работой, лишь разведет руками – без ключа это не открывается!

Что-то меня какая-то дикая злоба берет при обдумывании этой сомнительной темы. Может тоже в походе начал какими-то нехорошими шишками обрастать?!

Уймись, уймись ревнивец-дурашка! Жена тебя любит, вдобавок она сейчас беременна... Ничему это не мешает!!! Захочет – враз изловчится!

– Володь, ты чего это за голову взялся? И перекосило как-то всего? Тебе не плохо?

Я бросил ощупывать глупую головушку, на которой и положенных-то шишек никаких не сыщешь, и ответил:

– Мне хорошо. С побратимами, в чистоте и тишине, мне очень хорошо. Глупые мысли донимают, на Капитолину глядячи!

Побратимы захохотали.

– А ведь он взревновал!

– Я тоже, как про брошенную на лесопилке Елену вспоминаю, аж переворачивается во мне все! Столько там купчиков и приказчиков всяких смазливеньких за досками каждый день наезжает!

– А во Франции эти швали-шевалье такие обходительные да ловкие, аж дух перехватывает! И золота для заманивания честных девиц в свои сети не жалеют! По пятнадцать златников зараз с улыбкой отдают! Манилы иностранные! И такие молодые... Одно слово – сволочи!

Поняв, что не я один тут этой дурью маюсь, успокоился, и мы продолжили дальше.

Сообщили Матвею о предстоящем церковном разводе у Богуслава после обедни. Затем я спросил, встанет ли один мой побратим-ушкуйник в случае чего за моего другого побратима-боярина на Божьем Суде против бойца от бояр Нездиничей, и получил положительный ответ. Тут зашел Венцеслав и позвал нашего убийцу на задний двор потренироваться бою на саблях, и молодые, над чем-то хохоча, удалились.

– Знаешь, Володь, я вот вроде никогда труса не праздновал, но завидев такой порхающий кинжал возле собственного носа, тоже бы шмыгнул в ближайший проулок!

– Да и я бы не отстал, ох не отстал!

И два матерых храбреца развеселились не меньше молодежи.

– Слав, а чего ж твои дружинники своего бывшего ратника в Елисее не признали? Подошли бы по-свойски, так мол и так, браток, обнищали дескать совсем, подкинуть бы монеты надо.

– Так некому узнавать то! У Мономаха лучшая дружина на Руси, и сам он в полной силе. Очень хорош его нынешний воевода Ратибор, я сам его всему, что знаю, обучил. Захотел бы Владимир, князем Киевским сейчас сел, а не Переславским сидельцем! Да не захотел он, вишь, с родней воевать, терпеть не может бойни русских против русских.

А Мстислав парнишка молодой, воевода тоже хват вроде него, славными подвигами пока не отмечен, дружина неопытная, большой крови не повидавшая, в бою не слаженная, толпа, а не рать. Пока там все тихо, да вдруг какой супостат налетит, не угадаешь.

Поэтому я в Переславле самую молодь оставил, а всех ветеранов с собой в Новгород увел, чтобы и там надежный костяк был, который в бою не растеряется. Сейчас здесь самый опытный Лазарь, так и он через год или два после ранения Елисея пришел. Кстати, пора идти жалование раздавать, отощали семьи у народишка вконец.

– Дело нужное. Серебра наши у тиуна вчера целый мешок отбили, на всех хватит.

– Года на три, – уточнил боярин.

– А я пойду по терему пройдуся, посмотрю, как там дела. Не забудь деньги и девкам после беседы с епископом выдать, тем, что у нас взаперти сидят, и дружинникам, что их караулят.

– Ты девицам, вроде, еще монеты обещал?

– Если удачно выступят у епископа. А то эти дуры могут такую чушь понести, что аж ахнешь. Нечего их раньше времени баловать. А ратникам сейчас дай, честно мужики служат.

– Девахи ныть не будут?

– Вот сейчас к ним к первым и зайду.

И мы отправились заниматься кто чем.

У девчат было хорошо: обе были умыты, не накрашены и накормлены. А то заявятся к епископу размазанные как мартышки, сразу все подумают: у развратной боярыни и девки такие же, ни в чем им верить нельзя – продажные твари! Увидев меня, скромнейшие и приличнейшие девицы оживились и загалдели.

– А долго еще тут торчать будем?

– А нельзя ли по-быстрому к себе сбегать? Взять бы кое-что надо!

– А можно...

Переслушивать этих дур и бесконечно объясняться с ними в мои планы не входило.

– Конечно все можно, девочки! Идите куда хотите, делайте, что пожелаете, обсудите все дела с подружками!

Такая свобода несколько смутила облагодетельствованных.

– А чего нельзя? – поинтересовалась более тертая Мария.

– Да пустяки! Нельзя будет после этого по десять рублей получить, начальницей стать и, скорее всего придется на Посад шлепать жить.

– За что же так?

– За дурость! Не хочу я вам одно и то же по сто раз объяснять! Не можете просто дойти до епископа, сказать по несколько слов и грести подарки после этого лопатой, значит пошли отсюда вон! Нам такие идиотки не нужны! Мы таких на дух не переносим. Все.

Удивленным дружинникам я сказал:

– Пошли отсюда ребята. Нечего с ними время терять.

Враз поумневшие девицы бросились ко мне и загалдели пуще прежнего:

– Мы посидим!

– Мы пойдем!

– Мы все скажем!

– Не вздумайте врать и чужие басни пересказывать! За это вас Богуслав засечет! Вам деньги будут дадены не за то, чтобы вы вранье, угодное начальству пересказывали, а только за смелость – что против боярыни и ее прихлебательниц не уstraшились пойти. И ни за что другое!

– Мы поняли!

– Мы все поняли!

Я вздохнул. Что сейчас, что через девятьсот лет хлыст и палка на Руси были и будут гораздо эффективнее пряника.

– Мужики, там воевода затеял раздачу жалованья дружине, вам как удобнее будет получить: самим сбегать или через Лазаря?

– Конечно! Самим! – гаркнули дружинники.

– Тогда немножко обождите, пока мешок из подвала притащат, раздадут тем, кто в очередь пораньше вас встал. Сбегайте по одному, девок без присмотра не оставляйте!

– Все как надо сделаем, боярин!

– За нас не волнуйся, не подведем!

Всегда больше любил работать с мужчинами! И это вовсе не из-за моего полового шовинизма. А вот в постель – только с противоположным полом! Вот такой уж я, не перенявший европейские веяния 21 века, отнюдь не участник гей-парадов.

Опять встревожились теремные работницы.

– А нам когда жалованье платить будут?

- Жить совсем не на что!
- Вам боярыня платит. Вот к ней и обращайтесь.
- Да она воровка на пару с тиуном!
- Епископу все как надо расскажете, сегодня же деньги получите, и немалые.
- Мы готовы!
- Прямо сейчас веди!
- А епископ, князь и бояре будут готовы вас выслушать только после обедни.
- Подождем!
- Сколько надо подождем!
- Вот и подождите. Скоро уж и пойдем, опаздывать нельзя. Дружинники идут с нами.

А я отправился бродить по терему дальше. У теремных девок стоял несусветный крик – видимо решали на чью сторону встать. Я решил в их запоздалые дразги не вмешиваться. Все теперь зависит от решения епископа, эти бабские крики и споры ничего не решают. Скажет Слава, всех поразгоним – убытка большого не будет. Только бы удалось боярыню с рук сбыть!

Немного подальше наткнулся на давешнего старичка, которого, видно, боярыня выкинула из своей опочивальни перед уходом к родне. Дед сидел на полу и тихо плакал, уткнув седую головушку в коленки.

Я присел рядом.

– Горестно, деда?

– Еще как горестно, сынок! Пропадет мой Елисеюшка через гонор этой дуры! Я у отца его всю жизнь служил, и за Елисеем как могу уж пятьдесят лет приглядываю, только такой напасти с нами сроду не бывало!

– Да и не воровали, поди, так бессовестно? – предположил я.

– Так через эту Капку все! Елька как устраивался, знаешь какие мысли имел! Все хозяйство воеводе налажу, за сынами его пригляжу, – будет и от меня еще польза! А как завертелся с подстилкой этой, так и пошло все наперекосяк: Богуслав опять разживется, мы с Капочкой детей бросим, сами подальше убежим, да богато заживем!

А эту негодяйку я уж сегодня вволю наслушался: жить с кем хочу буду, мне муж не указ, все деньги у меня должны быть, детей пусть в дружине учат, большенькие уже. Тьфу!

Теперь вот вовсе пропал Елисей через жадность гадины этой. Привезли его сегодня поутру связанного в грязном мешке, сбросили на землю и велели ранее припрятанные деньги показывать. Елисей было вилать взялся: не знаю, не помню. Так один зверообразный с лысой башкой попинал его от души, а потом пригрозил: сейчас пытать тебя по-настоящему начнем, это я тебя так – балую. Очень быстро не только свое все отдашь, а вспомнишь, чего и двоюродный дедушка невесть где зарыл! Тебе что вначале отрезать – нос или уши? Тут уж я не стерпел: вынес лопату, да показал, где хозяин ворованное закопал, думал отстанут. Но не тут-то было! Быстро откопали эти бандиты краденое, но на этом не успокоились.

Опять засунули хозяина в мешок, закинули на коня поперек седла бедолагу моего и посулили смерть ему неминуемую, если боярыня мужу развод сегодня не даст. Побег я к ней, а она, вишь, как себя показывает! – и дед снова зарыдал.

Потом вытер длинной седой бородой глаза и с надеждой спросил у меня:

– Может ты знаешь, где его прячут? Придумаем чего-нибудь...

– Ни сном, ни духом ничего не ведаю! – перекрестился я. – Но может не убьют? Попугают да отпустят?

– Твоими бы устами да мед пить, – понуро сказал дедок, – да уж больно звероподобны были похитители эти!

Посидели еще молча.

– Ты может голоден? – поинтересовался я у старика.

– Все равно есть не могу, об Елисее тоскую!

Я вздохнул.

– Тогда бывай. Может еще свидимся.

Старец не ответил, уткнув голову в коленки.

Я шел по коридору и думал, как все хорошо складывается в книжках 21 века у попаданцев. Хоп-хоп, здесь как надо вырулил, там ловко все уладил, прибил по ходу кого-нибудь особенно вредоносного, – и воссиял рассвет над миром! Все довольны, все смеются.

У меня же – одному поможешь, другого, может тоже неплохого, в дерьме по ходу утопишь. Конечно, Елисей не белый ангел, а за воеводу своего жизнь готов был отдать. Какие были бы у нас шансы в битве с черным волхвом без Богуслава? Да никаких!

А что такое украденные деньги в сравнении с гибелью всей Земли? Мелочь и пустяк, не стоящий внимания! Осталось одно с этим Елисеем – простить и отпустить! Отслужил уже пятнадцать лет назад, отработал как смог, искупил вину свою вперед. А мы тут его деда-пестуна топчем, да серебро краденое усиленно назад отнимаем. Ему бы за доблесть мраморный памятник при жизни воздвигнуть, а вместо этого по моей наводке бывшего командира сотни или насмерть забьют, или продадут в рабство. Да, дела делишки...

Посмотрел на часы: 11.10. До конца обедни еще пятьдесят минут.

Пора переодеваться и готовиться к выходу. Я не обладаю женскими талантами собираться на выход в течение часа, иной раз и двух – мне не нужно подкрашиваться, потом перекрашиваться, заниматься нелегким выбором нужных блузочки, юбочки, колготочек, босоножек, туфельек, платица, бижутерии – а выбор у живущих со мной женщин почему-то всегда стремительно нарастал, и получая команду одеваться, не горячился, чтобы потом весь этот долгий срок не нудить из прихожки, как молодожен:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.